

Мгновенная карта

МАРИССА МЕЙЕР

Бестселлер The New York Times

Марисса Мейер
Лунные хроники.
Мгновенная карма
Серия «Лунные хроники.
М. Мейер. Лучшие романы»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66963993
Мгновенная карма : роман / Марисса Мейер ; пер. с англ. И.
Литвиновой: АСТ; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-134434-4*

Аннотация

Пруденс Барнетт всегда отличалась настойчивостью и трудолюбием, а потому скоро на осуждение чужих слабостей: один для нее слишком ленив, второй – высокомерен, третий – груб... Однажды у Прю появляется способность вершить кармическую справедливость, и она с удовольствием ее использует, наказывая всех без разбора.

Но есть один человек – ее напарник по лаборатории бездельник Квинт Эриксон, – на которого ее силы как будто оказывают обратное действие. Квинт раздражающе милый и впечатляюще благородный, особенно если дело касается его работы в местном центре спасения морских животных.

Прю тоже соглашается на подработку в центре спасения, и вскоре ей предстоит узнать, насколько на самом деле тонка грань между добродетелью и тщеславием, щедростью и жадностью, любовью и ненавистью.

Содержание

Один	6
Два	21
Три	32
Четыре	48
Пять	60
Шесть	72
Семь	85
Восемь	99
Девять	118
Десять	134
Одиннадцать	151
Двенадцать	159
Конец ознакомительного фрагмента.	163

Марисса Мейер

Мгновенная карма

*Посвящаю отцу,
он всегда наполнял наш дом музыкой.*

Marissa Meyer
INSTANT KARMA

Впервые опубликовано Fiewel and Friends, подразделением Macmillan Children's Publishing Group

Печатается с разрешения литературных агентств Jill Grinberg Literary Management, LLC и The Van Lear Agency, LLC.

Copyright © 2020 by Rampion Books, Inc.

© И. Литвинова, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Один

Квинт Эриксон опаздывает.

Опять.

Чему тут удивляться? Я и не удивлена. Я бы скорее удивилась, если бы он хоть раз пришел вовремя. Но, черт возьми, сегодня? *Именно сегодня?*

Я закипаю, нервно барабанию по доске для презентаций, лежащей на столе. Я внимательно слежу за стрелками часов над дверью класса и еле слышно повторяю текст, который целую неделю учила наизусть.

Наши пляжи и прибрежные воды – дом для множества удивительных живых существ. Рыбы, млекопитающие, морские черепахи и...

– Акулы, – говорит Майя Ливингстон, стоя у доски – на протяжении десятилетий подвергались жестокому обращению со стороны Голливуда. Они не такие чудовища, какими их изображают люди!

– К тому же, – добавляет Эзра Кент, ее напарник по лабораторным работам, – еще неизвестно, кто кого ест. Я имею в виду, знаете ли вы, ребята, что люди на самом деле *едят* акул?

Майя бросает на него хмурый взгляд.

– В основном, плавники. Чтобы быть точным.

– Верно! Из них готовят суп, – продолжает Эзра. – Суп из

акульих плавников – это, типа, суперделикатес, потому что их можно долго жевать, и они при этом хрустят. Представляете?! Вы как хотите, а я обязательно попробую.

Некоторые из наших одноклассников притворяются, что их тошнит от отвращения, хотя очевидно, что Эзра пытается добиться именно такой реакции. Большинство зовет его EZ¹. Раньше я думала, что это намек на многочисленные амурные приключения Эзры, но теперь склоняюсь к мысли, что виной всему его репутация балагура. Учителя в нашей школе давно усвоили, что лучше рассаживать их с Квинтом подальше друг от друга.

– Как бы то ни было, – перебивает Майя, пытаюсь вернуть разговор в нужное русло. И продолжает рассказывать о зверствах охотников на акул, когда рыбам отрезают плавники и выпускают обратно в воду. Без плавников акулы опускаются на дно океана и либо задыхаются, либо их заживо съедают другие хищники.

Все в классе кривятся и морщатся.

– А потом они превращают их в суп! – добавляет Эзра, на случай, если кто-то прослушал эту часть рассказа.

Проходит еще минута. Я прикусываю внутреннюю сторону щеки, пытаюсь успокоить натянутые нервы. В восьмимиллионный раз за этот год в голове крутится безнадежное: «Нет. Никого. Хуже. Квинта. Эриксона».

¹ EZ – популярное английское сокращение от слова easy (легко, просто, удобно). Здесь и дальше прим. пер.

Я даже напостила ему вчера: «Не забудь, Квинт, завтра важная презентация. Ты приносишь доклад. Ты помогаешь мне со вступительным словом. Так что, пожалуйста, ради всего святого, хотя бы в этот единственный раз, не опаздывай».

И что в ответ?

Он просто пожал плечами.

Я занятой парень, Пруденс. Но сделаю все, что в моих силах.

Действительно. Видимо, он очень занят во вторник с самого утра и до половины девятого.

Я знаю, что справлюсь со вступлением сама. В конце концов, репетировала я одна, без Квинта. Но он должен принести бумаги. Чтобы класс мог уткнуться в них, пока мы рассказываем. Это поможет отвлечь их скучающие, равнодушные взгляды *от меня*.

Класс вяло аплодирует, и я снова пытаюсь сосредоточиться. Хлопнув пару раз, я роняю руки на стол. Майя и Эзра собирают свои презентационные материалы. Я смотрю на Джуда, сидящего в первом ряду, и, хотя вижу лишь его затылок, знаю, что он не сводит глаз с Майи с тех пор, как она вышла к доске, и не отведет взгляда, пока она не вернется на место. У него нет другого выбора, кроме как отвернуться либо привлечь всеобщее внимание этим пристальным взглядом. Я очень люблю своего брата, но его влюбленность в Майю Ливингстон тянется с пятого класса и – если честно, – уже

начинает казаться слегка безнадежной.

Я ему сочувствую. Он действительно сохнет по ней. Ничего удивительного – она же *Майя Ливингстон*. Почти весь десятый класс влюблен в нее. Но я хорошо знаю своего брата. Ему никогда не хватит смелости пригласить ее на свидание. Потому и безнадежно все это.

Бедняга.

Но не он один – *мое* положение не лучше. Майя и Эзра возвращаются на свои места, а Квинта все нет. Нет и бумаг, которые он должен принести с собой.

В порыве отчаяния я выуживаю из сумки красную помаду и быстро наношу свежий слой, на случай если она уже потускнела с тех пор, как я подкрашивалась перед уроком. Вообще-то я не злоупотребляю косметикой, но яркая помада подобна мгновенному допингу для самооценки. Это моя броня. Мое оружие.

Ты справишься, говорю я себе. *Тебе не нужен Квинт*.

Сердце колотится в груди. Дыхание сбивается. Я сую тюбик помады обратно в сумку и беру карточки. Не думаю, что они мне понадобятся. Я так много тренировалась, что теперь даже во сне рассказываю об ареалах обитания и защите окружающей среды. Но с карточками в руке мне будет спокойнее.

По крайней мере, я так думаю. Надеюсь.

До тех пор, пока меня не охватывает внезапный ужас. Мне становится страшно, что чернила растекутся в потных ладонях, и карточки станут нечитаемыми. Нервы снова взвинчи-

ваются до предела.

– Итак, мы подошли к последней презентации в этом учебном году, – говорит мистер Чавес, бросая на меня едва ли не сочувственный взгляд.

– Извини, Пруденс. Мы тянули, сколько могли. Может быть, Квинт присоединится к нам до того, как ты закончишь. Я заставляю себя улыбнуться.

– Все в порядке. В любом случае я планировала взять на себя большую часть доклада.

Нет, не все в порядке. Но отступить некуда.

Я медленно встаю из-за стола, сую карточки в карман, беру презентационную доску и большую сумку, набитую дополнительными материалами. Руки подрагивают. Я выдерживаю паузу и полностью выдыхаю. Зажмуриваюсь и мысленно повторяю свою мантру, которую непременно вспоминаю, когда собираюсь выступить перед аудиторией.

Это всего лишь десять минут твоей жизни, Пруденс, а потом все закончится, и ты пойдешь дальше. Всего десять минут. Ты справишься.

Открыв глаза, я расправляю плечи и иду к доске.

Дело не в том, что я не умею выступать на публике. На самом деле, у меня это неплохо получается, главное – начать. Я хорошо владею голосом и знаю, как сделать так, чтобы все могли меня слышать. Я всегда много репетирую, до тошноты, чтобы не спотыкаться на словах, и стараюсь выглядеть живой и заинтересованной.

Но минуты перед началом ужасны. Я почему-то всегда убеждена в том, что непременно что-то пойдет не так. Со мной случится помрачение рассудка, я забуду все слова и начну потеть. Потом стану красной как рак. И грохнусь в обморок.

Но обычно после первых же фраз все идет само собой. Мне просто нужно начать... а потом, не успею я опомниться, как все закончится. И я услышу то, что слышу всегда:

– О, Пруденс. Ты держишься так естественно и раскованно. Ты замечательный докладчик. Отличная работа.

Эти слова как бальзам на мою обезумевшую от страха душу.

По крайней мере, так говорят учителя. Одноклассники редко утруждают себя слушанием докладов.

И меня это вполне устраивает.

Мне требуется несколько секунд, чтобы настроиться, закрепить доску на подставке и приготовить неподалеку сумку с сюрпризами. Я придвигаю к себе столик на колесиках с макетом, который принесла до начала урока. Он все еще задрапирован голубой тканью.

Сжимая карточки в одной руке, другой я беру указку, которой мистер Чавес обычно показывает детали на слайдах PowerPoint.

Улыбаюсь одноклассникам.

Пытаюсь поймать взгляд Джуда, но он что-то рисует в блокноте и не реагирует на сигналы извне.

Отлично, братишка. Спасибо за поддержку.

Остальная часть класса таращится на меня, изнывая от скуки.

Желудок скручивает в узел.

Просто начни.

Всего десять минут.

Ты справишься.

Я делаю глубокий вдох.

– Я собиралась показать вам дополнительные материалы, ребята. – Мой голос срывается, и я делаю паузу, чтобы откашляться, прежде чем продолжить. – Чтобы вы могли просматривать их во время доклада. Квинт должен был их принести, но... как видите, его нет. – Я стискиваю зубы. Так хочется крикнуть, что это несправедливо. Все пришли парами! Но мой напарник слишком занят.

– Ладно, – продолжаю я, драматично взмахнув указкой. – В любом случае, начнем.

Потоптавшись перед презентационной доской, я медленно выдыхаю.

Просто начни.

Лучезарно улыбнувшись, я приступаю к докладу.

– Что мы узнали о морской биологии, благодаря мудрому наставничеству мистера Чавеса, – я выдерживаю паузу, с энтузиазмом указывая на нашего учителя, и тот кивает в ответ, хотя не слишком эмоционально, – так это то, как нам повезло, что здесь, в Фортуна-Бич, можно наблюдать удиви-

тельную жизнь моря. Наши пляжи и прибрежные воды служат домом для многих замечательных видов живых существ. Рыбы и млекопитающие, морские черепахи и акулы...

– Акулы – это *рыбы*, – перебивает Майя.

Я напрягаюсь и бросаю на нее свирепый взгляд. Ничто так не выбивает из колеи во время доклада, как неуместные комментарии.

Такие выскочки – главные враги.

Я снова улыбаюсь. Меня так и подмывает начать с начала, но я заставляю себя продолжить как ни в чем не бывало. *Рыбы и млекопитающие, морские черепахи и акулы...*

– ...богатые экосистемы планктона и растительной жизни, обнаруженные в Ориндж-Бэй. Эти ресурсы – настоящий дар, и наша обязанность не только восхищаться ими, но и защищать их. Вот почему в нашем итоговом проекте мы с Квинтом решили сосредоточить внимание на... – я делаю паузу для усиления драматического эффекта, – сохранении морской среды с помощью экотуризма!

Размашистым жестом я срываю голубую ткань, демонстрируя сделанный вручную макет Мейн-стрит, самой оживленной туристической зоны Фортуна-Бич, которая тянется параллельно пляжу и набережной.

Я не могу удержаться и оглядываю аудиторию, чтобы оценить реакцию одноклассников. Несколько человек из передних рядов вытягивают шеи, чтобы поглазеть на макет, но остальные тупо пялятся в залитые солнцем окна или пыта-

ются незаметно переписываться, пряча телефоны под столами.

Впрочем, мистер Чавес выглядит заинтригованным, изучая макет. И Джуд поднимает глаза, зная не понаслышке, как долго и неустанно я трудилась над этой презентацией. Он ловит мой взгляд и едва заметно, но ободряюще приподнимает большие пальцы.

Я обхожу столик и склоняюсь над диорамой, чтобы показать самые примечательные объекты. Адреналин уже бушует в крови, и я больше не чувствую себя заложницей паники. Теперь я полна сил и энергии.

– Нашим новым туристическим центром станет спа-отель «Ориндж-Бэй резорт», ориентированный на привилегированную клиентуру. На гостей, которые ценят роскошь, жаждут приключений, но, черт возьми, – я дерзко щелкаю пальцами, – при этом заботятся и о защите окружающей среды. – Я постукиваю указкой по многоэтажному зданию. – Благодаря использованию переработанных стройматериалов и применению водо- и энергосберегающих технологий, этот курорт будет у всех на устах. Но наши гости приедут сюда не только для того, чтобы отсыпаться. Они будут изучать флору и фауну. Вот почему Фортуна-Бич нуждается в новых станциях проката электрических велосипедов по обоим концам набережной, – я касаюсь указкой миниатюрных велосипедных стоек, – и аренды электролодок на частном причале курорта. Но что действительно привлечет клиентов, что выде-

лит Фортуна-Бич как самое заманчивое направление эко-путешествий...

Бум!

Дверь класса распахивается, звучно ударяясь о стену.

Я вздрагиваю.

– Прошу прощения, мистер Ч.! – раздается голос, от которого волоски у меня на загривке встают дыбом. Но удивление стремительно сменяется едва сдерживаемой яростью.

Сжимая указку до боли в костяшках, я перевожу взгляд на Квинта Эриксона. Он вразвалочку проходит между рядами, по пути хлопая ладонью по ладони Эзры. Это их обычное ежедневное приветствие.

Я бы предпочла, чтобы он прежде остановился у доски и «дал пять» *мне*. А я бы от души врезала ему указкой.

Я стискиваю зубы, хмуро глядя ему в спину, когда он подходит к нашему столу в заднем ряду и бросает на него рюкзак. Застежка-молния взвизгивает, как реактивный двигатель. Он насвистывает – *насвистывает!* – копаясь в куче бумаг, книг, ручек и всякого хлама, накопившегося за девять месяцев учебного года.

Я жду. Кто-то покашливает. Краем глаза я вижу, как Джуд ерзает на стуле, чувствуя себя неловко из-за меня. Но я все не испытываю неловкости. В любой другой ситуации такая грандиозная помеха выбила бы меня из колеи, превратила в растерянную курицу, но сейчас я слишком поглощена тем, что, сжимая указку, представляю, что это шея Квинта. Я

могла бы простоять так весь день, как бы нелепо это ни выглядело, ожидая, пока до Квинта наконец дойдет, насколько сбило меня его вторжение.

Но, к моему бесконечному разочарованию, Квинт, кажется, пребывает в блаженном неведении. Ему плевать на мою злость. На то, что он перебил меня посреди *нашего* доклада. Его не волнует неловкая тишина в классе. Вряд ли он вообще знает, что такое *неловкость*.

– Ага! – торжествующе восклицает он, вытаскивая из рюкзака кислотно-зеленую папку. Даже издали я вижу, что один уголок уже замялся. Квинт открывает папку и медленно достает копии доклада. Не могу сказать, сколько там страниц. Три или четыре. Скорее всего, отпечатанные с обеих сторон, потому что кто станет тратить бумагу на доклад об охране окружающей среды?

Хорошо, что распечатал, пусть даже с двух сторон.

Квинт раздает копии доклада – скрепленные страницы для одноклассников и вшитые в папку с тремя кольцами для мистера Чавеса. Он не прибегает к наиболее эффективному способу раздачи по принципу «возьми один и передай дальше», как это сделала бы я. Но что с него взять? Возможно, он самый никчемный человек на планете. Проходя по рядам, он раздает копии по одной. Ухмыляясь. Получая в ответ улыбки. Он мог бы стать политиком, завоевывая массы этой небрежной походкой, этой непринужденной улыбкой. Кто-то из девчонок хлопает ресницами, принимая из его рук

страницы доклада, и кокетливо бормочет:

– *Спасибо, Квинт.*

Костяшки моих пальцев, стискивающих указку, уже побелели. Я представляю, как Квинт спотыкается о ножку стола или, поскользнувшись на разлитых лабораторных химикатах, подворачивает лодыжку. Или нет – еще лучше, – собираясь в спешке, он схватил не ту папку и только что раздал тридцать две копии страстного любовного послания, которое написал нашей директрисе, миссис Дженкинс. Даже *он* не смог бы сохранить лицо, случись такой конфуз, верно?

Ничего такого, конечно, не происходит. Моим мечтам о вселенской справедливости не суждено сбыться. Зато к тому времени, как Квинт добирается до первых рядов и, наконец, снисходит до того, чтобы взглянуть на меня, нервы немного успокаиваются. Перемена в нем мгновенна – он занимает оборону: подбородок вздергивается, взгляд темнеет, словно перед битвой. Полагаю, он готовился к этому моменту с тех пор, как вошел в класс. Неудивительно, что он не спешил раздавать бумаги.

Я пытаюсь улыбнуться, но получается похоже на оскал.

– Очень рада, что ты смог к нам присоединиться.

Он сжимает зубы.

– Как я мог пропустить такое, напарник. – Он смотрит на макет, и на мгновение на его лице появляется намек на удивление. Похоже, он даже впечатлен.

Так и должно быть. Впечатлен и в то же время стыдится

того, что видит макет впервые.

– Классно сделано, – бормочет он, занимая свое место на противоположной стороне миниатюрной Мейн-стрит. – Я вижу, ты забыла о реабилитационном центре, который я предложил, но...

– Будь у меня больше помощников, возможно, я бы удовлетворила их необоснованные притязания.

Он тихо стонет.

– Забота о животных, травмированных в результате туризма и потребительского отношения, не является...

Мистер Чавес громко кашляет в кулак, прерывая перебранку, и обводит нас усталым взглядом.

– Всего два дня, ребята. Вам придется потерпеть общество друг друга буквально пару дней. Мы можем закончить доклад без кровопролития?

– Конечно, мистер Чавес, – говорю я одновременно с Квинтом, который отвечает:

– Извините, мистер Ч.

Я бросаю на него взгляд.

– Мне продолжать, или хочешь что-то добавить?

Квинт отвешивает мне поклон.

– Сцена в твоём распоряжении, – говорит он и добавляет еле слышно:

– Не то чтобы ты собиралась с кем-то ее делить.

Несколько ребят в первом ряду слышат его и хихикают. О да, он тот еще хохмач. В следующий раз попробуйте *вы*

поработать с ним и тогда поймете, как это забавно.

Я снова пытаюсь улыбнуться.

Но, когда поворачиваюсь к презентационной доске, в голове совершенно пусто.

На чем я остановилась?

О, нет. *Только не это.*

Вот оно. Мой худший кошмар. Я знала, что когда-нибудь это случится. Знала, что все забуду.

И я уверена, что во всем виноват Квинт.

Паника захлестывает меня, и свободной рукой я начинаю лихорадочно перебирать карточки. *Курорт и спа... прокат электрических велосипедов...* Пара карточек выскальзывает и летит на пол. Лицо раскаляется, как конфорка на плите.

Квинт наклоняется и поднимает упавшие карточки. Я выхватываю их у него, сердце бешено колотится. Я чувствую, как весь класс сверлит меня глазами.

Я ненавижу Квинта. Его полное пренебрежение ко всем, кроме самого себя. Его упорное нежелание являться вовремя. Его неспособность сделать хоть что-нибудь полезное.

– Я тоже могу кое-что рассказать, – говорит Квинт.

– Я уже это делаю! – огрызаюсь я.

– Ладно, хорошо. – Он поднимает руки в защитном жесте. – Просто уточнил. Это ведь и моя презентация, знаешь ли.

Действительно. Он же *так много* работал над ее подготовкой.

– Что же все-таки делает Фортуна-Бич уникальным местом? – шепчет Джуд. Я замираю и смотрю на него с благодарностью, сравнимой со злостью на Квинта. Джуд снова сигналил мне поднятыми вверх большими пальцами, и, возможно, сегодня телепатия близнецов работает, потому что я уверена, что слышу его ободряющие слова:

– *Ты справишься, Прю. Просто расслабься.*

Тревога отпускает. В миллионный раз я спрашиваю себя, зачем мистеру Чавесу понадобилось мучить нас вынужденным партнерством, если мы с Джудом могли бы составить потрясающую команду. Десятый класс мог бы стать приятным времяпрепровождением, если бы не морская биология и Квинт Эриксон.

Два

– *Спасибо*, – одними губами отвечаю я Джуду, откладывая карточки. Все, чего мне не хватало, – простого напоминания. И теперь, казалось бы, забытые слова возвращаются. Я продолжаю рассказывать, изо всех сил стараясь не обращать внимания на присутствие Квинта. Многие уже уткнулись в бумаги, которые он раздал, так что не *все* глазают на нас.

– Как я уже говорила, что действительно привлечет совершенно новое поколение эко-сознательных туристов, так это предлагаемая нами уникальная программа мероприятий и приключений. Наши гости смогут погрузиться на дно океана на борту частной субмарины. Принять участие в организованных турах на каяках на остров Аделай, где каждый сможет пометить, отследить своего собственного тюленя и даже дать ему имя. И, что мне особенно нравится, мы будем каждую неделю устраивать зажигательные пляжные вечеринки.

Последняя реплика пробуждает некоторый интерес в остекленевших глазах одноклассников. Эзра даже ухает как филин. Он, *конечно*, не останется в стороне.

Приободрившись, я продолжаю:

– Совершенно верно. Фортуна-Бич скоро прославится регулярными пляжными вечеринками, где можно насладиться экологически чистыми морепродуктами, исключительно органическими закусками и общением с эко-сознательными

единомышленниками. И – самое главное! – каждый участник вечеринки сразу получит мешок для мусора и граббер-захват для уборки, а в конце праздника, наполнив этот мешок мусором, собранным на наших пляжах, сможет обменять его на многоразовую холщовую сумку с самостоятельно выбранными подарками. Такими, как...

Я откладываю указку и тянусь к своей сумке, оставленной на полу.

– Алюминиевая бутылка для воды, не содержащая бисфенол А²!

Я достаю бутылку и бросаю ее в класс. Джозеф, удивленный не меньше, чем остальные, едва успевает поймать ее.

– Бамбуковая посуда, которую можно брать с собой в любую поездку! Дневник из переработанных материалов! Твердый шампунь в упаковке без пластика!

Я, как фокусник, достаю из сумки подарки и кидаю их одноклассникам. Теперь они точно проснулись.

Подарки закончились, и я, скатав сумку в комок, запускаю ее в сторону мистера Чавеса. Но Эзра перехватывает ее на лету. Все обращают внимание на то, что на каждом из подарков есть придуманные мною логотип и слоган:

ФОРТУНА-БИЧ: ЗДЕСЬ ПРИРОДА ДРУЖЕЛЮБНА К ТЕМ, КТО ДРУЖИТ С ПРИРОДОЙ!

– Эти и многие другие идеи подробно изложены в нашем

² Химическое вещество в виде белых гранул, широко применяемое в качестве недорогого отвердителя пластмасс.

докладе. — Я указываю на одну из копий на ближайшем лабораторном столе. — По крайней мере, я на это надеюсь. Просто я не видела полного текста доклада, и что-то мне подсказывает, что он был закончен минут за десять до начала урока.

Я мило улыбаюсь Квинту.

Он выглядит напряженным. С оттенком злости, но не без самодовольства.

— Думаю, ты никогда этого не узнаешь.

От этого комментария я начинаю сомневаться, но он этого и добивается. В конце концов, я же один из авторов доклада. Квинт догадывается, что я схожу с ума от желания заглянуть в текст и проверить, все ли там в порядке.

— Прежде чем закончить, — говорю я, обращаясь к классу, — мы хотим воспользоваться возможностью поблагодарить мистера Чавеса за то, что на его уроках мы многое узнали об удивительном уголке мира, в котором живем; о невероятных морских обитателях и экосистемах, соседствующих с нами. Не знаю, как остальные, но лично я хочу участвовать в принятии решений, которые смогут обеспечить защиту и сохранность океана для наших детей и внуков. И, к всеобщему удовольствию, как, надеюсь, нам сегодня удалось доказать: *выбирая зеленый путь, Фортуна-Бич принесет много зелени!*

Я потираю пальцы, делая вид, будто пересчитываю наличность. Я говорила Квинту о том, как собираюсь закончить свою речь. Предполагалось, что мы произнесем эту фразу

вместе, но он, конечно же, промолчал. Даже не потрудился подыграть мне с воображаемой пачкой денег.

– Спасибо за внимание.

Класс начинает аплодировать, но Квинт делает шаг вперед и поднимает руку.

– Если позволите, я кое-что добавлю.

Мой энтузиазм вянет на глазах.

– А это обязательно?

Он ухмыляется и поворачивается ко мне спиной.

– Устойчивое развитие³ и туризм обычно не сочетаются. Самолеты сильно загрязняют атмосферу, а люди, как правило, мусорят гораздо больше, когда путешествуют, чем когда остаются дома. Тем не менее, туризм приносит пользу местной экономике, так что он никуда не денется. Конечно, мы хотим, чтобы Фортуна-Бич приобрел репутацию курорта, где заботятся не только об отдыхающих, но и о дикой природе.

Я вздыхаю. Разве не об этом я только что говорила?

– Если вы прочтете доклад, который лежит перед вами, – продолжает Квинт, – хотя я уверен, что никто из вас, кроме мистера Чавеса, этого не сделает, то увидите, что одна из наших важных инициатив – создание Центра спасения мор-

³ Модель использования ресурсов, взаимодействия между людьми и природой и модель развития цивилизации на базе инноваций, при которой достигается удовлетворение жизненных потребностей нынешнего поколения вместе с сохранением окружающей среды, укреплением личностного и общественного здоровья без лишения такой возможности будущих поколений.

ских животных Фортуна-Бич как приоритетного туристического направления.

Мне требуется вся сила воли, чтобы не закатить глаза. Он уже год носится с этой идеей реабилитационного центра. Но кто захочет провести отпуск, глядя на истощенных дельфинов в унылых тесных бассейнах, если можно плавать с дельфинами в настоящей бухте?

– Чтобы люди поняли, как их поведение отражается на окружающей среде, им нужно своими глазами увидеть последствия собственных действий, вот почему мы... – Он выдерживает паузу. – Вот почему я считаю, что любые планы развития экотуризма должны быть сосредоточены на образовании и волонтерстве. В докладе об этом говорится более подробно. Спасибо.

Он поворачивается ко мне. Мы обмениваемся взглядами, полными взаимного презрения.

Ну, вот и все. Наконец-то. Этот ужасный, изматывающий проект закончен.

Я свободна.

– Благодарю вас, мистер Эриксон, мисс Барнетт, – говорит мистер Чавес, листая доклад, и я не могу не задаться вопросом, включил ли в него Квинт хотя бы *какие-то* мои идеи. Курорт, велосипеды, пляжные вечеринки? – Полагаю, это довольно очевидно, но не могли бы вы уточнить, какой вклад каждый из вас внес в этот проект?

– Я сделала макет и презентационную доску, придумала и

заказала экологически чистые товары. Добавлю, что с самого начала я была менеджером проекта в целом.

Квинт фыркает.

Мистер Чавес приподнимает бровь.

– Вы не согласны, мистер Эриксон?

– О, что вы! – Он неистово качает головой. – Она определенно руководила. Чрезвычайно активный менеджмент, нет слов.

Я напрягаюсь. На языке вертится гневная отповедь. *Кто-то должен был взять это на себя! Ты же не соизволил поучаствовать и сделать хоть что-нибудь!* Но, прежде чем я успеваю выпалить все это, мистер Чавес спрашивает:

– А вы написали доклад?

– Да, сэр, – отвечает Квинт. – И предоставил фотографии.

Учитель одобрительно хмыкает, словно получил важную информацию, но мои губы кривятся в усмешке. Предоставил фотографии? Простите, но даже второклассник способен вырезать фотографии из журнала National Geographic и наклеить их на картон.

– Отлично. Спасибо вам обоим.

Мы выбираем разные проходы между рядами, чтобы вернуться на свои места, но мистер Чавес останавливает меня.

– Пруденс! Давай оставим указку у доски, хорошо? Не хотелось бы, чтобы мистер Эриксон получил увечья, когда мы так близки к окончанию учебного года.

Под смех одноклассников я возвращаю указку на место,

стараясь не выглядеть совсем уж побитой. Теперь, когда руки свободны, я подхватываю макет и несу его к нашему общему столу.

Подперев голову рукой и прикрывая рот ладонью, Квинт наблюдает за мной. Или за макетом. Жаль, что я не могу читать его мысли. Жаль, что не вижу в нем раскаяния за то, что он палец о палец не ударил, чтобы мне помочь. Или, по крайней мере, стыда за то, что он опоздал в самый важный день года, бросив меня на произвол судьбы.

Я бы с удовольствием увидела его смущение от осознания того, что моя часть проекта полностью затмила его вклад. Сгодились бы даже хоть какое-то проявление признательности за то, что я весь год тянула на себе наше так называемое партнерство.

Я ставлю макет на стол и сажусь на место. Наши стулья стоят по краям стола, потому что мы оба инстинктивно стремимся держаться как можно дальше друг от друга. Вот уже несколько месяцев с моего правого бедра не сходят синяки от ударов о ножку стола.

Квинт отрывает взгляд от макета.

– Я думал, мы отказались от лодочных экскурсий на Адела́й, поскольку они могут нанести вред популяции морских слонов.

Мое внимание приковано к мистеру Чавесу, который подходит к доске.

– Если хочешь, чтобы люди заботились о морских сло-

нах, следует показать им морских слонов. Причем не тех полумертвых, которых кормят из бутылочек на операционных столах.

Он открывает рот, и я чувствую, *что* он готов ответить. А я готова опровергнуть любую глупость, которую он собирается произнести. Во мне снова вспыхивает ярость. Так и хочется крикнуть:

– *Ты не мог бы исчезнуть? Просто. Хотя бы. Раз?*

Но Квинт вовремя останавливается и лишь качает головой, так что я тоже сдерживаю гнев.

Мы оба молчим. Макет стоит между нами, тут же лежит и экземпляр доклада, хотя я упорно отказываюсь брать его в руки. Впрочем, я вижу обложку. По крайней мере, он сохранил название, о котором мы договорились: «Сохранение природы Фортуна-Бич через экотуризм», доклад Пруденс Барнетт и Квинта Эриксона. Морская биология, курс мистера Чавеса. Под нашими именами – душераздирающая фотография морского зверя, может быть, калана, морского льва или даже тюленя – никогда не удавалось их различать. Обмотанный леской, скрюченный как мумия, с глубокими рваными ранами на шее и плавниках, бедняга смотрит в объектив черными глазами, являя собой самое трагическое зрелище, какое я когда-либо видела.

Я сглатываю. Фото никого не оставит равнодушным, надо отдать ему должное.

– Вижу, ты поставил мое имя первым.

Сама не знаю, кто меня тянет за язык. Трудно сказать, что вообще заставляет меня разговаривать с Квинтом. Есть в нем что-то такое, из-за чего я физически не могу держать рот на замке. Словно у меня в запасе осталась одна пуля, и я не могу не выстрелить в последний раз.

– Хочешь верь, хочешь нет, но я умею расставлять слова в алфавитном порядке, – бормочет он. – В конце концов, детский сад я прошел.

– Потрясающе, – огрызаюсь я.

Он вздыхает.

Мистер Чавес делает пометки в блокноте и улыбается классу.

– Спасибо всем за фантастические презентации. Я впечатлен усердной работой и творческим подходом, которые вы показали в этом году. Завтра я выставлю всем оценки. А теперь, пожалуйста, передайте мне свои заключительные лабораторные отчеты.

Все начинают рыться в своих рюкзаках, поскрипывая стульями и шурша бумагой. Я выжидательно смотрю на Квинта.

Он явно в замешательстве.

Я поднимаю бровь.

Его глаза широко распахиваются.

– Ох! – Он открывает рюкзак и пытается что-то найти в своих мусорных залежах. – Я совсем забыл об этом.

Да чтоб тебя!

– Ты забыл его принести? – спрашиваю я. – Или забыл

сделать?

Он морщится.

– А если и то и другое?

Я закатываю глаза, а он вскидывает руку. От его мимолетного смущения не осталось и следа.

– Тебе не надо в этом признаваться.

– Признаваться? – машинально повторяю я, хотя в голове крутится множество самых разных, но одинаковых по смыслу, слов: *никчемный, ленивый, беспомощный...*

– Я поговорю с мистером Чавесом, – продолжает он. – Скажу ему, что мой просчет и что я отправлю ему отчет по электронной почте сегодня вечером...

– Не утруждай себя. – Я открываю свою папку по биологии, где сверху лежит лабораторный отчет, аккуратно распечатанный и снабженный дополнительной круговой диаграммой экологической токсикологии. Перегнувшись через стол, я передаю отчет дальше по рядам.

Повернувшись к Квинту, я вижу, что он... злится?

– В чем дело? – спрашиваю я.

Он кивает на отчет, исчезающий в стопке остальных.

– Ты не доверила мне сделать его?

Я выдерживаю его взгляд.

– И оказалась права.

– А как насчет того, что мы команда? Может, вместо того чтобы делать его в одиночку, стоило напомнить мне? Я бы справился.

– Не мое дело – напоминать тебе о домашних заданиях. Как и о том, что надо вовремя приходить на урок.

– Я был...

Я обрываю его на полуслове, раздраженно всплеснув руками.

– Где ты был, это уже неважно. Давай просто скажем спасибо за то, что наше *партнерство* наконец завершилось.

Он что-то сипит в ответ, и хотя я думаю, что он со мной согласен, все равно вспыхиваю от злости. Я весь год тащила на себе нашу команду и, можно сказать, пахала за двоих. Я – лучшее, что могло с ним случиться.

Мистер Чавес собирает переданные ему отчеты.

– Да, я знаю, что завтра последний учебный день, и вам не терпится уйти на каникулы. Но урок еще не кончился, и поэтому, будьте добры, запишите домашнее задание.

Класс дружно стонет, а мистер Чавес берет зеленый маркер и начинает писать на белой доске.

– Знаю, знаю. Но сами подумайте. Возможно, это мой последний шанс поделиться с вами великим знанием. Не лишайте меня этого удовольствия, хорошо?

Я беру ручку и записываю задание в дневник.

Квинт этого не делает.

Звенит звонок, и он первым выходит из класса.

Три

– Я в принципе не против домашних заданий, – говорит Джуд, лениво листая учебник морской биологии. – Но в предпоследний день учебного года?! Это признак тирана и деспота.

– Ой, перестань ныть, – одергивает его Ари, отвлекаясь от меню. Каждый раз, когда мы приходим сюда, она долго изучает его, хотя мы всегда заказываем одно и то же.

– По крайней мере, тебе предстоит летний отдых. А нам учителя дали подробные списки книг и планы заданий, чтобы «занять нас» на время каникул. Июль – месяц греческой мифологии. Ура.

Мы с Джудом отвечаем ей потрясенными взглядами. Мы сидим за угловым столиком в «Энканто», нашем любимом кафе на Мейн-стрит. Здесь бывает довольно много туристов, потому что пляж совсем рядом, часть его даже видна из окон. Но переполненным кафе бывает только по выходным, что делает его идеальным местом для тихих посиделок после уроков. Да и еда здесь – сочетание мексиканской и пуэрториканской кухни – просто потрясающая. К тому же Карлос, хозяин заведения, угощает нас бесплатной газировкой и приносит сколько угодно чипсов и сальсы. И никогда не жалуется на то, что мы занимаем популярный угловой стол. Честно говоря, я думаю, что ему нравится наша компания, даже если мы

заказываем еду только в интервале от трех до шести пополудни, когда фирменные закуски подают за полцены.

– Что такое? – спрашивает Ари, наконец заметив наши взгляды.

– Я бы в любое время предпочел изучать греческую мифологию вместо планктона, – говорит Джуд, кивая на иллюстрацию в учебнике.

Ари фыркает в своей фирменной *вы-ребята-не-догоняете* манере. И, надо признать, так оно и есть. С тех пор как мы познакомились почти четыре года назад, у нас не утихают споры о том, что хуже – учиться в престижной частной школе Святой Агнессы или в нашей, Фортуна-Бич. Типичная история из серии «где трава зеленее». Мы с Джудом вечно завидуем малопонятным темам и планам уроков, на которые жалуется Ари. Ну, скажем, «Как трансконтинентальная торговля специями изменила ход истории» или «Влияние языка на современные религиозные традиции». Ари же тоскует по подростковой «нормальности» с убогими столовскими обедами и отсутствием необходимости носить школьную форму.

Что, на мой взгляд, вполне справедливо.

Однако Ари не отрицает, что музыкальная программа в школе Святой Агнессы не может сравниться ни с одной государственной школой. Если бы не специализированные занятия по теории музыки и композиции, подозреваю, что Ари умоляла бы родителей перевести ее в другую школу.

Мы с Джудом возвращаемся к своим записям, а Ари обращает внимание на двух женщин за десертом, сидящих за соседним столиком. Перед Ари лежит раскрытый блокнот, а ее лицо становится задумчивым. Так бывает, когда она пытается подобрать рифму, сочиняя очередную песню. Я представляю себе балладу о кокосовом пудинге и первой любви. Почти все песни Ари посвящены ранней любви. Или страданиям из-за того, что в любви что-то пошло не так. Третьего не дано. Хотя, думаю, это можно сказать почти обо всех песнях.

Я перечитываю задание еще раз, надеясь, что это натолкнет меня на какую-нибудь идею. Двести пятьдесят слов о том, какие виды адаптации к жизни под водой могут быть полезны в нашей наземной среде обитания. Задание несложное. Мне следовало бы разобраться с ним еще час назад. Но после нескольких бессонных ночей, посвященных докладу об экотуризме, я чувствую себя так, словно мозг пропустили через мясорубку.

– Вот, нашел! Гигантская акула!

Джуд показывает мне картинку в учебнике. На снимке изображена поистине ужасающая акула с широко открытой пастью-пещерой, обнажающей не только огромные острые зубы, а как будто ее скелет, грудную клетку или что-то еще, уходящее вглубь тела. Это напоминает мне сцену, в которой кит проглотил Пиноккио.

– Она плавает у самой поверхности воды, подхватывая

все, что попадает на пути.

– И чем это могло бы быть полезно тебе? – спрашиваю я.

– Эффективностью. Любая еда, мимо которой я прохожу, могла бы просто попадать мне в горло. Мне бы не приходилось жевать или останавливаться, чтобы поесть. – Он делает паузу, и его взгляд становится задумчивым. – На самом деле, из этого мог бы получиться отличный монстр подземелий.

– Лучше сказать, отвратительное чудовище, – замечаю я.

Он пожимает плечами и делает пометку в блокноте, который всегда у него под рукой.

– Кажется, кто-то из нас помешан на тайм-менеджменте.

Он в чем-то прав. Я ворчу и в шестой раз пролистываю учебник, а Джуд тянет к себе наш общий ноутбук. Вместо того чтобы открыть новый документ, он просто удаляет мое имя наверху, заменяет его своим и начинает печатать.

– Вот вам подкрепление, рабочие пчелки. – Карлос появляется с корзинкой кукурузных чипсов, гуакамоле и двумя видами сальсы. Сладкая сальса на основе гуайявы – для меня и Джуда, а ужасно острая, псевдомазохистская (*чего ради проделывать с собой такое?*) – для Ари.

– Учеба еще не закончилась?

– У нас завтра последний день, – отвечает Джуд. – Ари на каникулах с прошлой недели.

– Значит ли это, что я буду видеться с вами чаще? Или реже?

– Чаще, – отвечает Ари, улыбаясь ему. – Мы собираемся

едва ли не жить здесь все лето, если ты не против.

Ари как школьница влюблена в Карлоса с тех самых пор, как мы начали приходить сюда. Это может показаться немного странным, учитывая, что ему, наверное, около сорока. Но он ужасно похож на молодого Антонио Бандераса. Да еще пуэрториканский акцент и умение готовить! И как тут винить девушку за то, что она немного влюблена?

– Вам троим здесь всегда рады, – говорит он. – Только постарайтесь не слишком злоупотреблять моей политикой бесплатной газировки, ладно?

Мы благодарим его за чипсы, и он неторопливо отходит к другому столику.

Джуд откидывается на спинку дивана и отряхивает руки.

– Готово.

Я отрываю взгляд от фотографии морского черта.

– Что? Уже?

– Всего двести пятьдесят слов. И от выполнения этого задания ничего не зависит. Поверь мне, Прю, это всего лишь попытка тирана и деспота проверить нашу преданность. Не зацкливайся.

Я хмурюсь. Мы оба знаем, что для меня это невозможно.

– Вот этот хорош! – Ари показывает чипсом на фото в учебнике. Капля сальсы падает на уголок страницы. – Ой, прости.

Я вытираю пятно салфеткой.

– Не хочу быть морским чертом.

– Задание состоит не в том, чтобы рассказать, кем бы ты хотела *стать*, – говорит Джуд, – требуется описать, какая адаптация может оказаться полезной.

– У тебя был бы встроенный фонарик, – добавляет Ари. – Это было бы очень кстати.

Я задумчиво мурлычу себе под нос. В общем-то, идея неплохая. Можно написать что-нибудь о том, каково быть лучиком света в темные времена, что, возможно, чересчур поэтично для научной статьи, но все же.

– Ладно, хорошо, – соглашаюсь я, придвигая к себе ноутбук. Сохранив документ Джуда, я создаю свой файл.

Когда я заканчиваю первый абзац, у входа в кафе поднимается суматоха. Я оглядываюсь и вижу женщину, которая катит перед собой тележку с динамиками, электронным оборудованием, маленьким телевизором, стопкой толстых папок и связками проводов.

– Ты пришла! – кричит Карлос из-за стойки бара так громко, что все оборачиваются к незнакомке. Она останавливается, подслеповато щурясь в тускло освещенном зале после яркого дневного солнца. Карлос бросается к ней и хватается за тележку.

– Я помогу. Думаю, мы установим это прямо здесь.

– О, спасибо. – Она отбрасывает с лица длинную челку, выкрашенную в ярко-красный цвет. Остальные волосы собраны в небрежный пучок на макушке, и корни выдают в ней натуральную блондинку. Одежда на ней тоже приме-

чательная: поношенные выцветшие ковбойские сапоги; темные джинсы, в которых прорех не меньше, чем денима; бордовый бархатный топ; а бижутерии столько, что она могла бы потопить небольшую лодку. Все это совершенно не похоже на шорты для серфинга и пляжные шлепанцы, которые носит большинство гуляющих по Мейн-стрит в это время года.

А еще она красивая. Действительно потрясающая. Правда, описать ее внешность трудно, учитывая толщину черной подводки для глаз и слегка размазанную фиолетовую помаду. Если бы она была местной, мы наверняка давно заметили бы ее, но я уверена, что вижу ее впервые.

– Как тебе здесь? – спрашивает Карлос, не обращая внимания на то, что большинство посетителей не сводят с них глаз.

– Прекрасно. Чудесно, – отвечает женщина с легким южным акцентом. Они с Карлосом стоят на небольшой сцене, где по выходным часто выступают группы и звучит живая музыка. Женщина осматривается и показывает на стену:

– Это единственная розетка?

– Есть еще одна. – Карлос отодвигает от стены стойку для грязной посуды.

– Отлично. – Женщина поворачивается, разглядывая телевизоры, которые висят на стенах по всему кафе и почти всегда настроены на спортивные каналы.

– Да, превосходно. Подходит. Славное у тебя местечко.

– Спасибо. Тебе помочь в установке или?..

– Нет, я все сделаю сама. Мне это не впервой. – Отказывается она.

– Ладно, хорошо. – Карлос делает шаг назад. – Принести тебе выпить?

– О! Хм... – Она ненадолго задумывается. – «Ширли Темпл»⁴?

Карлос смеется:

– Конечно!

Он возвращается к бару, а незнакомка передвигает столы и устанавливает привезенное оборудование. Через несколько минут она подхватывает стопку папок и подходит к ближайшему столу. *Нашему столу.*

– Я так понимаю, вы и есть достойная молодежь Фортуна-Бич? – Спрашивает она, рассматривая наши учебники и компьютеры.

– Что вы затеваете? – Ари кивает в сторону тележки с оборудованием.

– Еженедельный вечер караоке! – отвечает женщина. – Ну, сначала проведем один, но надеемся, что станет еженедельным.

Караоке? Я тут же представляю себе завывающих стариков и визжащих дамочек средних лет, пьяные компании, поющие мимо нот, и... о, нет. Прощайте, тихие посиделки за домашними заданиями. Хорошо, что учебный год заканчи-

⁴ Популярный безалкогольный коктейль, названный в честь знаменитой юной американской актрисы Ширли Темпл.

вается.

– Меня зовут Триш Роксби, и я буду ведущей, – продолжает она. Не встречая ответного энтузиазма, она указывает большим пальцем в сторону бара. – Вы разве не видели объявлений? Карлос сказал, что уже пару недель рекламирует мероприятие.

Я смотрю в сторону бара. И не сразу, но все-таки замечаю на доске у двери, над списком ежедневных фирменных блюд, нацарапанное кривыми буквами объявление: ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЕ КАРАОКЕ-ВЕЧЕРИНКИ, КАЖДЫЙ ВТОРНИК В ШЕСТЬ ВЕЧЕРА, НАЧИНАЯ С ИЮНЯ. ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ!

– Ну, так что, присоединитесь к нам сегодня? – спрашивает Триш.

– Нет! – хором отвечаем мы с Джудом.

Ари лишь прикусывает нижнюю губу, поглядывая на папку.

Триш смеется:

– Это не так страшно, как кажется. Обещаю, будет очень весело. К тому же девушкам нравится, когда им поют серенады.

Джуд неловко мнется, понимая, что обращаются к *нему*.

– Э-э. Нет. Это моя сестра-близнец. – Он кивает на меня, а потом жестом указывает на себя и Ари. – И мы не... – Он замолкает.

– Неужели? Сестра-близнец? – восклицает Триш, пропус-

кая мимо ушей его намеков на то, что они с Ари просто друзья. Она переводит взгляд с меня на Джуда и медленно кивает. — Да, так и есть. Теперь вижу.

Она лжет. Никто никогда не верит, что мы с Джудом родственники, и уж тем более близнецы. Мы совершенно не похожи. Джуд высокий — шесть футов один дюйм⁵ — и тощий, как наш папа. Мой рост пять футов пять дюймов⁶ и пышные формы, как у мамы. (Наша бабушка любит шутить, что я забрала себе все «детские припухлости» Джуда еще в утробе матери. Я не находила в этой шутке ничего смешного даже в детстве, не нахожу и теперь. Тут можно было бы вставить смайлик, закатывающий глаза.)

Джуд — блондин с очень бледной кожей. Прямо как у вампира. На солнце он обгорает за тридцать секунд, и в этом смысле жизнь в Южной Калифорнии доставляет ему немало проблем. Другое дело я — брюнетка, уже к концу июня щеголяющая вполне приличным загаром. У Джуда точеные скулы. У меня ямочки на щеках. Полные чувственные губы придают Джуду некоторое сходство с моделями марки «Аберкромби», хотя он *терпеть не может*, когда я так говорю. А чем могу похвастаться я? Ну, по крайней мере, у меня есть губная помада.

Триш смущенно откашливается.

— Так вы когда-нибудь бывали на караоке-вечеринках?

⁵ 185 см.

⁶ 165 см.

– Нет, – отвечает Ари. – Хотя я подумывала об этом.

Мы с Джудом обмениваемся взглядами, потому что на самом деле нам доводилось петь под караоке. Много раз. Когда мы были помладше, родители водили нас в гастронаб, где в первое воскресенье каждого месяца устраивали семейное караоке. Мы исполняли исключительно репертуар «Битлз», и папа всегда заканчивал «свой сет», как он это называл, песней «Дорогая Пруденс», а потом созывал всех нас на «Эй, Джуд». К концу вечеринки весь ресторан уже распевал: *нааа-на-на... на-на-на-на!* Даже Пенни присоединялась к нам, хотя ей было всего два или три года, и вряд ли она понимала, что происходит. Это было волшебство.

Во мне вспыхивает легкая ностальгия, когда я вспоминаю, как фальшивил папа в песне «Пенни-Лейн», а мама усердствовала в исполнении «Эй, бульдог».

Но однажды, когда мне было лет десять или одиннадцать, нетрезвый голос выкрикнул из зала: *«Может, этому ребенку стоит меньше петь и больше приседать?»*

Мы все знали, кого он имел в виду. И этот случай совершенно разрушил магию караоке.

Если подумать, именно тогда и родился мой страх публичных выступлений – этот вселенский ужас от того, что все якобы будут наблюдать за мной, критиковать меня, ждать, когда я облажусь.

– Ладно, ребята, просто подумайте.

Триш кладет папку на стол рядом с корзинкой чипсов. До-

стает из кармана ручку и несколько листов бумаги и оставляет их рядом.

– Если вспомните песню, которую захотите спеть, просто напишите здесь ее название и передайте мне. Идет? А если нужной вам песни не окажется в сборнике, дайте мне знать. Поищу в Интернете. – Она подмигивает нам и переходит к соседнему столику.

Мы сидим, глядя на папку, как на ядовитую змею.

– Вот еще, – бормочет Джуд, начиная складывать свои вещи в рюкзак. – Этому не бывать.

Я чувствую то же самое. Ничто на свете не заставит меня выйти на сцену и спеть перед толпой незнакомцев. Да даже и перед своими, если уж на то пошло. Фортуна-Бич – городок небольшой, и всюду можно наткнуться на кого-то из знакомых. Даже сейчас, оглядываясь по сторонам, я замечаю за стойкой бара маминого парикмахера, а за одним из столиков – управляющего бакалейной лавкой на углу.

Однако Ари все еще смотрит на папку. В ее глазах зажигается азарт.

Я слышала, как поет Ари. У нее неплохо получается. По крайней мере, она не фальшивит. К тому же она хочет быть композитором. С детства мечтает сочинять песни. И все мы знаем, что, если она хочет добиться хоть какого-то успеха, рано или поздно ей придется запеть.

– Тебе стоит попробовать, – говорю я, подталкивая к ней папку.

Она вздрагивает.

– Ну, не знаю. Что я вообще могу спеть?

– Скажем, любую песню из записанных за последние сто лет? – говорит Джуд.

Она молча смотрит на него, но его комментарий ей явно нравится. Ари любит музыку. Всякую. В этом смысле она ходячая Википедия, охватывающая все направления, от джаза тридцатых годов до панк-рока восьмидесятых и современного инди. На самом деле мы, наверное, никогда бы не встретились с ней, если бы не ее одержимость. Мои родители владеют музыкальным магазином «Венчерс Винил» в квартале от Мейн-стрит, названным в честь популярной серф-рок-группы шестидесятых⁷. Ари начала приходить туда, когда мы учились в средней школе. Карманных денег у нее водилось куда больше, чем когда-либо получала я, и каждый месяц она приходила и покупала столько пластинок, сколько могла себе позволить.

Мои родители обожают Ари. Они в шутку называют ее своим шестым ребенком. И говорят, что Ари в одиночку поддерживает их бизнес последние несколько лет, что могло бы показаться милым, если бы я не боялась, что это недалеко от истины.

Ари с надеждой переводит взгляд на меня:

⁷ The Ventures («Венчерз», от *англ.* venture – рискованное мероприятие, авантюра) – американская музыкальная группа, играющая инструментальный рок и серф-рок. Основана в 1958 г.

– Мы можем спеть дуэтом?

Я сдерживаю инстинктивное и страстное «нет» и вместо этого безнадежно киваю на учебник.

– Прости. Мне нужно закончить эту работу.

Она хмурится.

– Джуд написал свою статью за десять минут. Давай, соглашайся. Может, что-нибудь из «Битлз»?

Я не уверена, предлагает она это из-за моей любви к «Битлз» или потому, что это единственная группа, чьи песни я знаю наизусть. Мы с братьями и сестрами выросли в музыкальном магазине – можно сказать, с раннего детства купались в море разнообразной музыки, – но никто, по мнению моих родителей, никогда не сравнится с «Битлз». Они даже называли всех своих пятерых детей в честь песен «Битлз» – «Эй, Джуд», «Дорогая Пруденс», «Люси в небесах с алмазами», «Пенни-Лейн» и «Элинор Ригби».

Понимая, что Ари все еще ждет ответа, я вздыхаю:

– Может быть. Не знаю. Мне нужно закончить это.

Она листает песенник, а я пытаюсь сосредоточиться на домашнем задании.

– «Ширли Темпл» звучит неплохо, – говорит Джуд. – Кто-нибудь хочет пить?

– Немного по-девчачьи, тебе не кажется? – поддразниваю я.

Он пожимает плечами и выскальзывает из-за столика.

– Мне достаточно комфортно в моей мужественности.

– Я хочу твою вишенку! – кричит ему вслед Ари.

– Эй, этот парень, с которым ты заигрываешь, – мой брат!

Джуд замирает, смотрит на меня, потом на Ари и стремительно краснеет.

Мы с ней хохочем. Джуд качает головой и идет к бару. Я складываю ладони рупором и кричу ему вдогонку:

– Да, и нам тоже принеси!

Он, не оглядываясь, машет рукой, давая понять, что услышал.

Нам не положено заходить в зону «двадцать один плюс», поэтому Джуд останавливается у невидимого барьера, чтобы передать бармену наш заказ.

Я успеваю написать еще один абзац, когда Джуд возвращается с тремя высокими стаканами, наполненными шипучей розовой газировкой. В каждом двойные вишенки. Не спрашивая разрешения, Ари берет ложку и, вычерпывая вишни из наших с Джудом стаканов, перекладывает их себе.

– Всем привет и добро пожаловать на нашу первую еженедельную караоке-вечеринку! – говорит Карлос в микрофон, который принесла с собой Триш. – Меня зовут Карлос, и я управляю этим заведением. Я очень ценю ваше отношение и надеюсь, что вы весело проведете этот вечер. Не стесняйтесь. Мы все здесь друзья, так что поднимайтесь на сцену и выкладывайтесь на всю катушку! Я рад представить вам ведущую нашего караоке, Триш Роксби.

Раздаются негромкие аплодисменты. Триш берет микро-

фон, а Карлос идет к кухне.

– Эй, эй, разве ты не споешь? – останавливает его Триш.

Карлос оборачивается, в ужасе распахивает глаза, и усме-
хается:

– Может быть, на следующей неделе?

– Ловлю тебя на слове, – говорит Триш.

– Я сказал, *может быть*. – Карлос отходит подальше.

Триш улыбается завсегдатаям кафе:

– Привет, ребята, очень рада быть здесь сегодня с вами.
Знаю, никто не любит выходить первым, поэтому я сама нач-
ну эту вечеринку. Пожалуйста, передайте мне записки, что-
бы я знала, какие песни вы хотите спеть, иначе вам придется
слушать меня следующие три часа.

Она включает установку, и из динамиков доносится ги-
тарный рифф «Я люблю рок-н-ролл» в исполнении Джоан
Джетт.

Я стараюсь не застонать в голос, но... нет. Как можно
сосредоточиться на домашнем задании, когда *такое* звучит
фоном? Это же кафе, а не рок-концерт.

– Хм, неожиданно, – говорит Джуд.

– Ага! – Ари одобрительно кивает. – Она действительно
хороша.

– Я не об этом. – Джуд толкает меня локтем в бок. – Прю,
смотри. Там *Квинт*.

Четыре

Я резко вскидываю голову. На мгновение мне кажется, что Джуд меня просто разыгрывает. Но нет, вот же он. Квинт Эриксон, рядом с табличкой «ВЫБИРАЙТЕ МЕСТО НА СВОЙ ВКУС» прямо у входа. Он с девушкой, мне не знакомой, миниатюрной азиаткой. Ее волосы собраны в два небрежных хвостика. На ней джинсовые шорты и выцветшая футболка с изображением снежного человека и надписью ЧЕМПИОН МИРА ПО ИГРЕ В ПРЯТКИ.

И если Квинт с интересом наблюдает за тем, как Триш старается от души, то девушка полностью поглощена своим телефоном.

– Эй. – Ари склоняется над столом и едва ли не шепчет, хотя никто не может нас услышать. Гортанный голос Триш Роксби, призывающий «детку» опустить еще одну монету в музыкальный автомат, перекрывает все звуки. – Это Квинт? *Тот самый* Квинт?

Я хмурюсь:

– Что значит «*тот самый*»?

– Ну как, что? Ты же только о нем и говорила весь этот год. У меня вырывается смешок, короткий и безрадостный.

– А вот и нет!

– Вроде того, – говорит Джуд. – Не знаю, кто из нас больше рад началу летних каникул. Ты – потому что тебе больше

не придется иметь с ним дело, или я, избавленный от повинности выслушивать твои жалобы на него.

– Он симпатичнее, чем я себе представляла, – замечает Ари.

– О да, тот еще жеребчик, – усмехается Джуд. – Все обожают Квинта.

– Только потому, что его несуразность вызывает к низшим инстинктам общества.

Джуд фыркает.

– К тому же, – я понижаю голос, – не так уж он привлекателен. Эти брови...

– Что ты имеешь против его бровей? – Ари смотрит на меня так, словно мне должно быть стыдно.

– О, я тебя умоляю. Они же просто огромные, – поясняю я. – Да и голова у него какой-то странной формы. Она какая-то... квадратная.

– Не слишком ли предвзято? – бормочет Ари, бросая на меня насмешливый взгляд, который словно просвечивает меня до костей.

– Просто констатирую.

Я не отступлюсь от своего мнения. Соглашусь, Квинт не так уж непривлекателен. Я это знаю, как и любой, у кого есть глаза. Но в его чертах нет утонченности. Взять хотя бы эти скучные, невзрачные, обычные карие глаза. Хотя я и уверена, что их обрамляют ресницы, они ни разу не привлекли моего внимания. Он – с его вечным загаром, короткими волнисты-

ми волосами и этой идиотской улыбкой – ничем не отличается от любого серфингиста в нашем городе. Иначе говоря, посмотришь на него – и тотчас забудешь.

Я снова кладу пальцы на клавиатуру, не позволяя Квинту, караоке или чему-то еще отвлечь меня от дела. Это последнее домашнее задание в десятом классе. Я справлюсь.

– Привет, Квинт! – кричит Джуд, вскидывая руку.

У меня отвисает челюсть.

– Ты, предатель!

Джуд поворачивается ко мне и морщится.

– Прости, сестренка. Он поймал мой взгляд. Я запаниковал.

Я медленно втягиваю ноздрями воздух и осмеливаюсь взглянуть в сторону двери. Так и есть, Квинт с подружкой направляются к нам. Квинт, как обычно, ухмыляется. Он похож на одного из тех глупых щенков, не способных понять, что их могут окружать кошатники. Они просто уверены, что все им всегда рады.

– Как дела, Джуд? – спрашивает Квинт. Он видит мой учебник и компьютер, и его улыбка становится чуть жестче. – Пруденс. Усердно трудишься, как всегда.

– Хороший результат не появляется из воздуха, – говорю я.

Он щелкает пальцами.

– Знаешь, раньше и я так думал, но после года работы с тобой начинаю сомневаться в этом.

Я прищуриваюсь.

– Чрезвычайно приятно было встретить тебя здесь. – Мой сарказм настолько едкий, что душит меня. Я перевожу взгляд на экран. Мне не сразу удастся вспомнить, в чем состоит задание.

– Квинт, – вмешивается Джуд, – это наша подруга, Арасели. Арасели, Квинт.

– Привет, – говорит Квинт. Я смотрю сквозь ресницы, как они соприкасаются кулаками. Для Квинта такое приветствие в порядке вещей, хотя я не думаю, что когда-либо видела, как Ари отбивает кулак. – Приятно познакомиться, Арасели. Классное имя. Ты ведь не из нашей школы?

– Нет. Я учусь в школе Святой Агнессы, – отвечает она. – И можешь звать меня просто Ари.

Я корчу гримасу, но никто этого не видит, поскольку моя голова все еще опущена.

– Ах да, а это Морган. Она учится в местном колледже в Черепашьей бухте. – Квинт указывает на свою спутницу. Она стоит чуть позади и смотрит на сцену с некоторым испугом. Когда Квинт произносит ее имя, она поворачивается к нам и неловко улыбается.

– Приятно познакомиться, – говорит она вежливо, но прохладно.

Следует неуклюжий обмен приветствиями, но внимание Морган приковано к сцене, где кто-то уже исполняет песню в стиле кантри, воспевая холодное пиво и жареного цыпленка.

– Морган сказала, что здесь отлично кормят, – говорит Квинт. – Она хочет, чтобы я попробовал... как это? Тон... тол... – Он вопросительно смотрит на Морган.

– Тостоны⁸, – подсказывает она, снова утыкаясь в телефон. Она сердито колотит по экрану большими пальцами, и я представляю себе яростную текстовую войну, которую она ведет со своим парнем.

– Они действительно хороши, – кивает Джуд.

Квинт жестом указывает на караоке.

– Не ожидал, что ужин будет сопровождаться бесплатными развлечениями.

– Мы тоже, – ворчу я.

– Это новинка, которую пытается запустить кафе. – Ари пододвигает папку с песнями к краю стола. – Не хочешь что-нибудь спеть?

Квинт хохочет, и это звучит почти самокритично.

– Не-а. Пожалее бедных отдыхающих. Не хотелось бы отпугивать туристов в самом начале сезона.

– Все почему-то думают, что они ужасно поют, – говорит Ари, – но очень немногие действительно настолько плохи.

Квинт склоняет голову набок и переводит взгляд с Ари на меня.

– Извини. Ты дружишь с ней?

– Прошу прощения? – вмешиваюсь я. – Что ты хочешь этим сказать?

⁸ Жареные зеленые бананы, популярное блюдо карибской кухни.

Он пожимает плечами.

– Просто я так привык к твоей критике, что кажется странным, когда кто-то видит во мне хорошее.

– Эй, смотрите! – кричит Джуд. – Вон Карлос идет! Как раз вовремя, чтобы предотвратить мучительно неловкий момент.

Карлос проходит мимо с подносом, уставленным пустыми стаканами.

– Просто проверяю, как тут мой любимый столик. Вы, ребята, присоединитесь к ним? Могу я предложить вам что-то из напитков?

– Э-э... – Квинт бросает взгляд на Морган. – Конечно. Кто ж откажется от такого? Что это у вас? – Он показывает на наши одинаковые розовые коктейли.

– «Ширли Темпл», – отвечает Ари.

Квинт выглядит растерянным.

– Это ведь актриса, верно?

Ари оживляется.

– Ты что, никогда не пробовал? Я имею в виду, да, она была актрисой, малышкой-кинозвездой. Но коктейль... тебе стоит попробовать. Это чистое наслаждение в бокале.

– А еще диабет и полная потеря достоинства, – бормочет Морган, все еще поглощенная текстовой перепалкой.

Квинт смотрит на нее, и веселье в его глазах смешивается с оттенком жалости. Меня бесит этот знакомый до боли взгляд. Я чувствовала его на себе почти каждый день с са-

мого начала учебного года.

– До меня только сейчас дошло, что вы с Пруденс наверняка найдете общий язык, – говорит он.

Морган в замешательстве поднимает глаза, и я знаю, что ей хочется спросить, кто такая *Пруденс*, но вместо этого она говорит:

– Почему мне кажется, что это звучит как оскорбление?

Квинт качает головой:

– Долго рассказывать. – Он кивает Карлосу. – Нам два «Ширли Темпл».

– Нет. Я – пас, – говорит Морган. – Мне кофе со льдом и кокосовым молоком.

– Конечно, – отвечает Карлос. – Вы присоединитесь к моим завсегдатаям за этим столиком?

Квинт оглядывает наш уголок. Он довольно большой – человек на восемь, если им хочется чувствовать себя уютно. Мы определенно могли бы пригласить еще двоих.

Но его взгляд останавливается на мне и встречает мой ледяной взгляд. Намек волшебным образом понят.

– Нет, мы вообще-то хотели... – Квинт оглядывается. Кафе быстро заполняется, но прямо у сцены пустует столик на двоих, который только что освободили, оставив полкорзинки кукурузных чипсов и несколько скомканных салфеток. – Тот столик свободен?

– Конечно. Я сейчас подготовлю его для вас. – Карлос жестом указывает на песенник. – Не стесняйтесь, ребята. Нам

нужно больше певцов. Посмотрите эти песни, ладно? Я рассчитываю на тебя, Прю.

Квинт издает горловой звук – нечто среднее между изумлением и усмешкой – от которого у меня мурашки бегут по коже.

– Забавно, – замечает он, когда Карлос отходит к бару.

– Что тут смешного? – спрашиваю я.

– Представляю тебя в караоке.

– Я умею петь, – с вызовом возражаю я, хотя следовало бы добавить: «*кажется*».

– Я в этом не сомневаюсь. – Квинт улыбается (а когда он не улыбается?). – Просто трудно представить, что ты можешь настолько расслабиться, чтобы спеть.

Расслабиться.

Квинт этого не знает – а может, и знает, – но он только что наступил мне на любимую мозоль. Наверное, это беда всех перфекционистов. Ведь я – трудяга, живу по правилам и скорее пойду на семинар, чем на вечеринку. А может, все потому, что родители дали мне неудачное имя – *Пруденс*⁹.

Терпеть не могу, когда меня призывают расслабиться.

Я могу расслабиться. Я умею веселиться. Просто Квинт Эриксон меня совсем не знает.

Но Джуд знает меня слишком хорошо. Он наблюдает за мной, и его лицо мрачнеет от беспокойства. Он поворачивается к Квинту и возражает, быть может, излишне громко:

⁹ Prudence (англ.) – благоразумие, осторожность, осмотрительность.

– Вообще-то мы с Прю все время пели под караоке, когда были детьми. Она блестяще исполняет «Желтую субмарину».

– Серьезно? – удивляется Квинт. Он смотрит на Джуда, а потом на меня, и я уверена, что он понятия не имеет, что за пожар бушует сейчас во мне. – Я бы не пожалел денег, чтобы это увидеть.

– Сколько? – выплевываю я.

Он замолкает, не понимая, шучу я или нет.

Появляется официантка и указывает на столик, уже убранный и заново сервированный, где стоят два стакана воды со льдом. – Ваш столик готов.

– Спасибо, – благодарит ее Квинт. Он, кажется, обрадовался тому, что можно сбежать от этого разговора. А я так просто в восторге.

– Рад встрече, Джуд. Приятно было познакомиться... Ари, да? – Он поворачивается ко мне. – Увидимся в школе.

– Не забудь. – Я постукиваю по учебнику. – Двести пятьдесят слов о том, какую водную адаптацию ты предпочел бы.

– Отлично. Спасибо за напоминание. Видишь? Напомнить же несложно?

– Просто это представляется таким бессмысленным, – со всей возможной мягкостью в голосе поясняю я, – поскольку мы оба знаем, что ты все равно напишешь статью за пять минут до начала урока. Если вообще напишешь.

Улыбка все еще приклеена к его лицу, но я вижу, что она

меркнет.

– Всегда рад тебя видеть, Пруденс. – Он показывает мне средний палец, и они с Морган идут к своему столу.

– Тьфу, – вырывается у меня со стоном. – Все равно ведь забудет. И что хуже всего, мистер Чавес, как обычно, сделает ему поблажку. Это...

– ...Бесит! – хором подхватывают Ари и Джуд.

Я фыркаю.

– Да, так оно и есть. – Я возвращаюсь к ноутбуку. Мне требуется пара минут, чтобы вспомнить, о чем я писала.

– Не убивай меня, пожалуйста, – говорит Ари, – но он не показался мне таким уж плохим.

– Он и не плохой, – соглашается Джуд. – Он, может, и ужасный напарник, но все равно хороший парень.

– Самое чудовищное преуменьшение года. Честно говоря, даже не знаю, за что мне такое кармическое наказание.

– О! – Глаза Ари загораются. – Это идея! – Она притягивает к себе песенник и начинает листать.

Мы с Джудом переглядываемся, но не спрашиваем, какую песню она ищет. Джуд одним большим глотком допивает свой коктейль.

– Мне пора. Я должен встретиться с ребятами в семь, чтобы начать планировать наше следующее прохождение. – Он хмурится, глядя на Ари. – Ты действительно собираешься петь? Я, возможно, мог бы остаться, если тебе нужна моральная поддержка.

Она отмахивается.

– Со мной все будет в порядке. Иди, исследуй свои кишашие гоблинами подземелья или что там у вас.

– Вообще-то они кишат кобольдами¹⁰, – поправляет Джуд, выбираясь из-за столика. – И у меня есть отличные идеи на счет мин-ловушек для нового прохождения. К тому же, знаешь, там наверняка будет и дракон.

– Драконов никогда не бывает слишком много, – замечает Ари, не отрываясь от песенника.

Я подумываю, не спросить ли, кто такие кобольды, но не уверена, что мой мозг готов вместить восторженные объяснения Джуда, поэтому просто улыбаюсь:

– Не зря же игра называется «Подземелья и драконы»¹¹.

– У них она есть! – восклицает Ари, поворачивая песенник ко мне. – Я уверена, ты знаешь эту песню.

Я думаю, что увижу что-нибудь из «Битлз», но она показывает пальцем на песню из сольной карьеры Джона Ленно-

¹⁰ Домовые и духи-хранители подземных богатств в мифологии Северной Европы. Распространенная в фэнтези раса монстров. Благодаря огромному влиянию ранней *Dungeons and Dragons* на компьютерные игры, кобольды появляются в них довольно часто и обычно являются противниками начинающих персонажей. Это всегда слабая низкорослая раса, берущая числом, с которой персонажи сталкиваются на низких уровнях. Почти всегда это звероподобные карлики с чертами собак, крыс или кошек.

¹¹ *Dungeons & Dragons* – настольная ролевая игра в жанре фэнтези, впервые изданная в 1974 г. Коммерческий успех D&D привел к появлению многих сопутствующих продуктов, включая журналы, сериалы, романы, а также многочисленные компьютерные и видеоигры.

на: «Мгновенная карма! (Мы все сияем)».

– О да, отличный выбор, – кивает Джуд, склонившись над столом. – Ты вытянешь, Прю.

– Я не собираюсь петь.

Ари и Джуд удивленно поднимают брови.

– Что?

Ари пожимает плечами и снова тянет папку к себе.

– Я просто подумала, может, ты захочешь доказать, что Квинт ошибается насчет тебя.

Я сердито поднимаю палец.

– Мне нечего ему доказывать.

– Конечно. – Джуд перекидывает рюкзак через плечо. – Но нет ничего плохого в том, чтобы показать людям, что ты не только круглая отличница, но способна на большее. Что на самом деле можешь, ну, скажем так...

Он отступает назад, видимо, опасаясь, что я ему врежу, и добавляет шепотом:

– ...повеселиться.

Я бросаю на него свирепый взгляд.

– Я действительно умею веселиться.

– Я-то знаю, – соглашается Джуд. – Но даже тебе придется признать, что это особо охраняемый секрет.

Пять

Джуд уходит, а я пытаюсь сосредоточиться на своем задании. Мне остается дописать всего лишь несколько предложений, но работа не клеится. Слова Джуда звучат у меня в ушах, как и замечание Квинта, что больше всего бесит. *Расслабься. Повеселись.*

Я чувствую, как Ари время от времени бросает на меня рассеянный взгляд. Она самый чуткий человек из всех, кого я знаю, и всегда улавливает чужое настроение. Но она также знает, что я заговорю, когда буду готова, и подталкивать меня к этому бессмысленно. Поэтому мы занимаемся своими делами в тишине – я заканчиваю статью, а она что-то записывает в блокноте. Впрочем, *тишина* – понятие относительное, учитывая непрекращающуюся атаку на наши уши певческого мастерства разного уровня. Некоторые действительно поют неплохо. Один парень исполняет новейший сингл Бруно Марса, а женщина из-за соседнего столика потрясающе перевоплощается в Шер. Но другие исполнители явно не дотягивают до звезд. Слишком уж заикаются и запинаются, неловко переминаются с ноги на ногу, безнадежно вглядываясь в строки текста на экране.

У меня собственная теория о караоке, которую я разработала еще во времена наших семейных вечеров. Никто в зале не ожидает увидеть на сцене настоящую Бейонсе, но, если

ты собираешься туда подняться, нужно хотя бы попытаться развлечь публику. Если у тебя отличный певческий голос – замечательно. Тогда просто выпусти его на волю. Но если с голосом не повезло, придется как-то компенсировать это. Скажем, танцем. Улыбкой. Зрительным контактом с аудиторией. Сделай вид, будто тебе весело, даже если дрожишь от страха, и твое выступление пройдет намного ярче, чем предполагалось.

– Готово. – Я захлопываю крышку ноутбука. – Последнее задание в этом году. Все, в расчете. – Я беру свой коктейль «Ширли Темпл», который даже еще не пробовала, и делаю глоток. Вкус, возможно, слишком водянистый, но сладость вишневого сиропа ощущается как заслуженная награда.

Все это время я почти не обращала внимания на Ари, но теперь могу сказать, что у нее родились свежие идеи. Только я собираюсь спросить, работает ли она над чем-то новым или редактирует старое, как слышу, как объявляют ее имя:

– Следующий номер – Арасели Эскаланте!

Мы обе удивленно поднимаем глаза. Триш Роксби смотрит на нас, сжимая в руке микрофон.

– Такое имя! Надеюсь, на этой сцене появится суперзвезда. Ждем тебя, Арасели!

Ари взволнованно смотрит на меня.

– Когда ты успела записаться? – спрашиваю я.

– Пока ты работала, – отвечает она. – Ладно, я пошла.

Она выходит из-за столика и идет к маленькой сцене. Дви-

жения у нее скованные, как у робота. Едва она берет микрофон в руки, я внутренне съеживаюсь. Теперь я жалею, что не поделилась с ней своей теорией караоке.

Большинство предпочитает исполнять песни стоя, хотя напротив монитора поставили высокий табурет. Ари поддвигает его ближе к микрофону. Мне кажется, зря она это делает – когда стоишь, у тебя больше энергии, больше пространства для маневра, – но понимаю, что сидя ей будет спокойнее, потому что она хочет пройти это испытание без дрожи в коленях.

На экране монитора всплывает название ее песни: «Поцелуй, чтобы можно было помечтать» Луи Армстронга. Мне эта песня не знакома, хотя это мало о чем говорит.

Звучит джазовая фортепианная мелодия, и Ари прикрывает глаза. Она так и начинает петь с закрытыми глазами. Голос у нее нежный, почти хрупкий, и песня так похожа на *нее*. Романтическая. Мечтательная. Обнадеживающая. Эмоции Ари проникают в меня вместе с музыкой, и совершенно очевидно, что она любит эту песню. Слова, мелодия – все ей близко, и она держит свои чувства в пузыре, который вот-вот лопнет.

Слушать ее – одно удовольствие, и я горжусь тем, что у нее хватило смелости выйти на сцену и петь не на потребу публике, а от чистого сердца.

Почему-то я нахожу глазами Квинта. Он сидит спиной ко мне, глядя на Ари, а его подружка все еще поглощена теле-

фоном. Я замечаю, что волосы Квинта растрепаны на затылке, словно он сегодня не потрудился причесаться.

И тут Квинт поворачивает голову. Он выглядит угрюмым. На секунду мне кажется, что он оборачивается, чувствуя, что я смотрю на него, *оцениваю*. Но нет, его внимание приковано к соседнему столику. Я вытягиваю шею и вижу там двух парней студенческого возраста. Один из них допивает остатки пива. Другой складывает ладони рупором и кричит:

– Завязывай с этим унылым джазовым дерьмом!

У меня отвисает челюсть. *Что, простите?*

Его друзья хохочут, а тот, что с пивом, машет пустым стаканом:

– Иди к нам. Я подарю тебе поцелуй, о котором ты мечтаешь!

Другой парень добавляет:

– Может, тогда мы сыграем настоящую музыку!

Немыслимо. Да они *издеваются* над ней. Что не так с этими людьми?

Я перевожу взгляд на Ари. Она все еще поет, но теперь ее глаза открыты, а голос неуверенно дрожит, и щеки пылают.

Я думаю о том, как много значит для нее этот момент, и невольно сжимаю под столом кулаки, возмущенная тем, как эти придурки только что его испортили.

Я всматриваюсь в самодовольные лица парней. Мысленно представляю, как один из них давится чипсами, а другой проливает сальсу на свою рубашку от «Томми Багама». Пра-

во, мироздание, если ты когда-нибудь...

Какой-то крошечный шарик летит к их столику и попадает в глаз одному из парней. Тот вскрикивает и закрывает лицо ладонью.

— Какого черта? — рычит он и тянется за салфеткой, не замечая, что на ней стоит стакан с пивом. Парень тянет к себе салфетку. Стакан опрокидывается, пиво стекает по краю стола прямо на колени им обоим. Раздается шквал проклятий — неудачники пытаются отодвинуться от разрастающейся между ними лужи.

Ари хрипло усмехается. Аккорды песни окутывают ее, но она уже не поет. Чувство обиды ушло, сменившись благодарностью, и на мгновение мне кажется, что причина во мне. *Неужели я только что?..*

Но тут Ари смотрит на Квинта, и я вижу, что его плечи дрожат от еле сдерживаемого смеха. Он размешивает ложкой жидкость в стакане, и кубики льда звенят о стенки.

Парни все еще озираются, тщетно вытирая промокшие штаны куцыми бумажными салфетками. Один из них находит снаряд и поднимает его. Вишенка!

Карлос торопливо подходит к ним, пытаясь притвориться обеспокоенным хозяином заведения, хотя холодное выражение его лица подсказывает мне, что он, вероятно, слышал их выкрики. Он натянуто извиняется и бросает на стол стопку салфеток.

Но не предлагает заменить пролитое пиво.

Ари заканчивает песню и убегает со сцены, как будто та горит. Со вздохом облегчения она плюхается на наш диванчик.

– Это на самом деле было ужасно?

– Нет! Конечно, нет! – отвечаю я и нисколько не лукавлю. – Ты была великолепна. Не обращай внимания на этих шутов.

Она наклоняется ко мне поближе:

– Ты видела, как Квинт запустил в них вишенкой?

Я киваю. И, как бы ни противилась этому, признаю:

– Это было круто. – Я драматично закрываю глаза. – Полагаю, в нем есть и положительные качества. Но, поверь мне, их мало, и они редкие гости.

Мы остаемся, чтобы послушать еще пару выступлений. Музыка в основном современная, я слышала эти песни, но не могу назвать имена исполнителей. Ариана Гранде? Тейлор Свифт? Потом кто-то выходит с песней группы «Куин» – ну, уж этих-то ребят я ни с кем не перепутаю.

– А теперь, чтобы доставить вам удовольствие, – объявляет Триш, проверяя что-то на караоке-автомате, – приглашаем на эту сцену... Пруденс!

Мы с Ари оборачиваемся к Триш, но в следующее мгновение я уже обрушиваюсь на Ари.

– Ты записала меня?

– Нет! – восклицает она, в отчаянии заламывая руки. – Я бы никогда так не поступила! Без твоего разрешения – ни за

что, клянусь.

Я рычу от злости, но не на Ари. Ей я верю. Она бы действительно так не поступила.

Может, в зале есть еще одна Пруденс? Каков процент вероятности? Я ни разу не встречала свою тезку, и никто явно не собирается подниматься на сцену.

– Должно быть, Джуд сдал меня перед уходом.

– Тебе вовсе не обязательно выступать, – говорит Ари. – Скажи ей, что ты передумала. Или что кто-то без спросу включил тебя в список.

Я ловлю взгляд Квинта, брошенный через плечо. В его глазах удивление. Любопытство.

Пульс учащается. Ари права. Никто не заставит меня выйти на сцену. Я не записывалась на выступление. Не давала своего согласия.

Ладони становятся влажными. Я еще даже не вышла из-за столика, а уже чувствую, что все на меня смотрят. Выжидающе. Оценивающе. Возможно, это просто игра моего воображения, но горло все равно сжимается.

– Пруденс? – Триш оглядывает зал. – Ты здесь?

– Хочешь, я скажу ей, что ты передумала? – предлагает Ари.

Я качаю головой:

– Нет. Нет, все в порядке. Это всего лишь песня. Я справлюсь. – Я резко выдыхаю и встаю из-за стола.

– Постой!

Я оглядываюсь на Ари. Она наклоняется вперед, тянется большим пальцем к уголку моего рта и вытирает его.

— Помада размазалась. — Она усаживается обратно и ободоряще кивает мне. — Так лучше. Выглядишь отлично.

— Спасибо, Ари.

Я откашливаюсь и подхожу к сцене, стараясь не встречаться глазами с болванами в соседнем уголке. Как, впрочем, и с Квинтом. Я убеждаю себя в том, что нисколько не нервничаю. И ничего не боюсь.

Это всего лишь четыре минуты твоей жизни. Ты справишься.

Только бы Джуд выбрал приличную песню...

Триш выставляет микрофон, и я смотрю на монитор, на название песни. *Уф*. Ладно. Неплохо. Джуд прислушался к предложению Ари и записал меня на песню Джона Леннона — ту, что я люблю и определенно знаю наизусть.

Я облизываю губы и повожу плечами, пытаюсь настроиться на выступление. Я не великая певица и знаю это. Но недостаток природного таланта я могу с лихвой компенсировать сценическим мастерством. Я — Пруденс Барнетт. И не потерплю посредственности или неуклюжести, пусть даже в караоке на тускло освещенной сцене туристической забегаловки на Мейн-стрит. Я буду улыбаться. Буду работать с публикой. Может быть, даже станцюю. Мое пение не принесет мне никаких наград, но это не значит, что я не смогу получить удовольствие.

Расслабься. Верно, Квинт? Давай посмотрим, как ты выйдешь на сцену и расслабишься.

Из динамиков раздаются первые аккорды «Мгновенной кармы». Мне не нужно смотреть на монитор, подсказывающий слова. Я откидываю волосы назад и начинаю петь:

– Мгновенная карма настигнет тебя!

Ари ободряюще вскрикивает. Я подмигиваю ей и чувствую, как вливаюсь в песню. Бедра покачиваются. Сердце колотится, подгоняемое адреналином, нервы звенят. Раздвигаю пальцы врозь. Джазовые ручки. Музыка набирает темп, и я стараюсь передать всю страсть Джона Леннона, вложенную в эту песню. Рука тянется к небу, потом резко падает вниз, на толпу, и указательный палец скользит по залу, ищет. *«Кем, черт возьми, ты себя возомнил? Суперзвездой? Ну, так и есть!»* Я пытаюсь обратиться к Карлосу, но не могу отыскать его в этом море лиц и вскоре понимаю, что указываю на Квинта. Удивительно, но он наблюдает за мной с явным интересом. И улыбается. Хотя немного растерянно, почти ошеломленно.

Пульс частит, и я переключаюсь на Ари, которая танцует в нашем уголке, вскинув руки.

Я хватаю воображаемые палочки и колочу по тарелкам в такт барабанному соло, приглашая публику поддержать припев. От восторга кружится голова.

– Мы все сияем, как луна... и звезды... и солнце!

Песня обнимает меня знакомыми аккордами и любимы-

ми словами. Я расправляю плечи. Тяну руки к небу. Прохожу свой путь до конца. Я не осмеливаюсь снова взглянуть на Квинта, но чувствую на себе его пристальный взгляд, и, хотя давала себе зарок не нервничать из-за него, все равно нервничаю. Что лишь придает мне еще *больше* решимости не падать духом. Потому что одно дело, если бы он откровенно игнорировал мое выступление или морщился от неловкости за меня.

Но нет. В ту долю секунды, когда я поймала его взгляд, в нем сквозило что-то неожиданное. Не простое веселье или удивление, хотя я почти уверена, что удивила его. Там было нечто большее. Что-то вроде... завороченности.

Кажется, я преувеличиваю. Мне нужно перестать думать и сосредоточиться на песне, но я уже на автопилоте, и припев повторяется, постепенно затихая:

– *Как луна, и звезды, и солнце...*

Когда песня заканчивается, я отвешиваю замысловатый поклон, махнув рукой Квинту, так же, как он притворно поклонился мне на уроке биологии.

И все же крики Квинта – самые громкие:

– Ну, ты и отожгла, Прю!

Жар заливает шею, обжигает щеки. Не то чтобы смущение. Скорее, прилив, сияние от его нежданного, непрошеного, совершенно ненужного одобрения.

Отойдя от микрофона, я не могу удержаться, чтобы снова не взглянуть на него. Меня еще потряхивает от выступления,

и улыбка сияет на лице. Он встречается со мной взглядом, и на мгновение – всего лишь на мгновение – закрадывается мысль, что, возможно, он не так уж плох. Мы могли бы даже подружиться. При условии, что нам больше не придется работать вместе.

К моему удивлению, Квинт поднимает стакан, словно провозглашая тост в мою честь. И я понимаю, что пялюсь на него.

Очарование момента исчезает. Странная связь обрывается. Я отвожу взгляд и иду к нашему столику.

Ари восторженно аплодирует.

– Ты была неподражаема! – говорит она, и я не могу не заметить, что в ее голосе слышится искреннее недоумение. – Ты всех просто заворожила!

Мне вспоминается взгляд Квинта, и я краснею еще сильнее.

– На самом деле, мне было гораздо веселее, чем можно было надеяться.

Она поднимает руку в жесте «дай пять». Я приближаюсь к ней, проходя мимо уголка, где сидели те придурки, но их уже след простыл.

Я делаю шаг вперед, вскидывая ладонь, чтобы ответить на приветствие Ари.

Конечно, я давно забыла о пролитом пиве.

Подошва скользит. У меня перехватывает дыхание, и я пытаюсь удержать равновесие. Слишком поздно. Взмахнув

руками, я чувствую, как разъезжаются ноги.

Я тяжело падаю.

Шесть

Из динамиков грохочет композиция Принса, но никто не поет. Чувствую себя так, словно меня только что огрели по затылку. Идеальное попадание в ритм ударных «Малинового берета».

С третьей попытки мне удастся открыть глаза, но я вижу лишь неоновую рекламу текилы и телевизор на стене. На экране мелькают странные кадры караоке восьмидесятых, не имеющие ничего общего с песней. Я морщусь от боли и снова зажимаюсь. Ари что-то говорит о «скорой помощи». Слышен и голос Карлоса, уверенный и спокойный, но слов не разобрать.

– Все в порядке, Прю, – доносится другой голос, более низкий. И он так напоминает голос... Квинта?

Но Квинт никогда раньше не называл меня *Прю*.

Рука проскальзывает мне под затылок. Пальцы погружаются в волосы. Я снова приоткрываю глаза, и на этот раз свет не такой слепящий.

Квинт Эриксон стоит на коленях, изучая мое лицо странным напряженным взглядом из-под сдвинутых темных бровей. Это так не похоже на его обычную дурацкую ухмылку, что у меня вырывается болезненный смех.

Он моргает.

– Пруденс? Ты в порядке?

Шум в голове усиливается. Мне уже не до смеха.

– Все нормально. Я в порядке. Просто... эта песня...

Он растерянно смотрит на монитор, словно совсем забыл о музыке.

– Бессмыслица, – продолжаю я. – Мне так и не удалось отыскать малиновый берет ни в одном секунд-хенде. А тебе?

Я стискиваю зубы от очередного приступа головной боли. Наверное, мне лучше помолчать.

Квинт хмурится сильнее.

– У тебя может быть сотрясение мозга.

– Нет. – Я не могу сдержать стон. – Да. Ой.

Он помогает мне сесть.

Ари поддерживает меня с другой стороны. Триш Роксби тоже рядом – грызет ноготь большого пальца, а официантка держит стакан воды, наверное, принесенный для меня. Даже подружка Квинта, Морган, наконец-то оторвалась от телефона и смотрит на меня так, словно ей не все равно.

– Я в порядке. – Язык не заплетается. По крайней мере, мне так кажется. Это придает мне уверенности, и я повторяю, более настойчиво:

– Я *в порядке*.

Ари показывает мне два пальца.

– Сколько пальцев видишь?

Я бросаю на нее сердитый взгляд:

– Двенадцать, – невозмутимо отвечаю я. Пульсирующая боль в затылке постепенно утихает, и я понимаю, что Квинт

все еще поддерживает меня, и его пальцы путаются в моих волосах.

Меня охватывает тревога, и я отталкиваю его руку.

– Со мной все в порядке.

Квинт выглядит удивленным, но, кажется, он не обиделся.

– Твой друг прав, – говорит Карлос. – У тебя может быть сотрясение мозга. Мы должны...

– Он мне не друг, – перебиваю я. Это что-то вроде рефлекса. Начав, я продолжаю, поднимая вверх указательный палец. – К тому же я видела, как он обходится с результатами лабораторных анализов. Прошу прощения, но я не слишком доверяю диагнозам доктора Эриксона.

– Ну, кажется, с ней все в порядке, – говорит Ари.

Я хватаюсь за край стола и поднимаюсь на ноги. Тотчас накатывает головокружение. Я опираюсь на стол и крепко зажмуриваюсь.

Свободной рукой я ощупываю затылок. Там шишка, но, по крайней мере, я не истекаю кровью.

– Пруденс. – Квинт все еще стоит слишком близко. – К этому стоит отнестись серьезно.

Я поворачиваюсь к нему так резко, что в глазах вспыхивают звезды.

– О, теперь *ты* решил отнестись к чему-то серьезно? – Звезды постепенно гаснут.

Он расстроенно отступает, потирая переносицу.

– И зачем только я влез?

– Вот именно, *зачем?* Мне не нужна твоя помощь.

Его лицо мрачнеет, и он поднимает руки, словно сдаваясь.

– Ясно.

Однако вместо того чтобы уйти, он протискивается мимо меня, внезапно оказываясь так близко, что я в панике прижимаюсь бедром к краю стола. Квинт хватает стопку салфеток, оставленных теми придурками, и поворачивается, не замечая моей реакции – а может, и замечая. Он бросает салфетки на пятно на полу, где я только что поскользнулась, и вытирает лужицу, гоня влажную бумагу носком кроссовка.

– Прю? – Ари касается моего локтя. – В самом деле, может, вызвать «скорую помощь»? Или я могу отвезти тебя в больницу?

Я вздыхаю:

– Пожалуйста, не надо. У меня нет спутанности сознания, ничего такого. Голова немного болит и все. Мне просто нужен парацетамол.

– Если она правильно произносит такие слова, как *«спутанность сознания»*, скорее всего, с ней все в порядке, – замечает Триш, и видно, что она старается быть полезной.

– Хочешь пить, милая?

Она протягивает мне воду, но я качаю головой.

– Нет. Спасибо. Я, пожалуй, поеду домой. – Я поворачиваюсь к Ари. – Мой велосипед на улице, но...

– Я тебя подвезу. – Не дав мне закончить, она собирает наши вещи.

– Спасибо, – бормочу я. Наверное, мне следует что-то сказать, что-то сделать. Карлос и Триш, Квинт и Морган наблюдают за мной. Хотя Квинт занят тем, что выбрасывает мокрые салфетки в мусорную корзину, и избегает встречаться со мной взглядом, но остальные-то смотрят и словно чего-то ждут. Мне нужно обнять их или что-то в этом роде?

Карлос спасает положение, положив руку мне на плечо.

– Позвонишь мне завтра или заскочишь после школы? Дай мне знать, что с тобой все в порядке, ладно?

– Да, конечно. Э-э... караоке... – Я смотрю мимо него на Триш. – Вообще-то классная идея. Надеюсь, ты продолжишь.

– Каждый вторник в шесть, – отвечает Триш. – По крайней мере, так мы планируем.

Я иду за Ари к задней двери. Стараюсь не смотреть на Квинта, но все равно чувствую его присутствие. И что-то похожее на вину. Он ведь просто пытался помочь. Наверное, мне не следовало огрызаться на него.

Но у него был целый год, чтобы помогать. И помощь была ничтожной, а теперь слишком поздно.

Ари толкает дверь, и мы выходим на гравийную парковку на заднем дворе «Энканто». Солнце садится, и с океана дует свежий бриз, солоноватый и такой знакомый. Я сразу чувствую прилив сил и оживаю, несмотря на ноющую боль в затылке.

Ари ездит на бирюзовом универсале родом из шестиде-

сятых. Зверь-машина – подарок родителей на шестнадцатилетие. Ари старается не кичиться этим, но семья у нее состоятельная. Ее мама – один из самых успешных риелторов в округе и сколотила небольшой капитал, продавая шикарные загородные дома очень богатым людям. Поэтому, когда Ари начинает восторгаться чем-то вроде совершенно непрактичного винтажного автомобиля, нет ничего удивительного в том, что именно такой появляется на их подъездной дорожке. Кого-то из подростков это, может, и развращает, но *abuela*¹², живущая вместе с ними, похоже, держит всех в узде. Она бы первая столкнула Ари с пьедестала, если бы та вела себя как избалованная принцесса. Хотя с Ари, думаю, нет проблем. Она – самый добрый и щедрый человек из всех, кого я знаю.

Я пытаюсь помочь Ари загрузить велосипед в багажник, но она уговаривает меня сесть в машину и успокоиться. Головная боль снова усиливается, поэтому я не возражаю. Я устраиваюсь на пассажирском сиденье и откидываюсь на спинку.

Иногда мне кажется, что Ари намеренно пытается жить как героиня документальной хроники. Она носит, в основном, винтажную одежду, и горчично-желтый комбинезон, что сейчас на ней, как раз такой; водит ретроавтомобиль и даже играет на коллекционной гитаре с историей. Хотя она знает о современной музыке гораздо больше меня, ее истин-

¹² Бабушка (исп.).

ная страсть – авторская песня, расцвет которой пришелся на семидесятые.

Закрепив мой велосипед, Ари садится за руль. Я пристегиваю ремень безопасности, а она совершает привычный ритуал регулировки зеркал, хотя вряд ли они могли сдвинуться с места за время ее отсутствия.

Она все еще привыкает к механической коробке передач, но мотор глохнет только раз, прежде чем мы выезжаем на главную дорогу. Это значительный прогресс, если вспомнить, как поначалу она терзала сцепление, пытаясь заставить машину тронуться с места.

– Уверена, что с тобой все в порядке? Может, отвезти тебя в больницу? Позвонить родителям? Позвонить Джуду?

– Нет, я просто хочу домой.

Она прикусывает нижнюю губу:

– Я так испугалась, Прю. Ты действительно потеряла сознание.

– Всего на секунду, да?

– Да, но...

Я накрываю ее руку ладонью и торжественно заявляю:

– Я в порядке. Честно.

Выражение ее лица смягчается. После короткой паузы она кивает. Я вздыхаю и отворачиваюсь к окну. Мы проезжаем мимо кафе и бутиков, таких родных и знакомых, как моя собственная спальня. Я и не думала, что уже так поздно. Солнце только что опустилось за горизонт, и Мейн-

стрит освещена, как съемочная площадка. Пальмы оплетены гирляндами белых фонариков; торгово-развлекательные комплексы пастельных оттенков светятся под старомодными уличными фонарями. Еще неделя – и наш городок наводнят отдыхающие, привезут с собой ночную жизнь. Ну, а пока улица выглядит пустынной и заброшенной.

Мы сворачиваем с Мейн-стрит в сторону пригорода. Первая пара кварталов занята частными особняками – летними домами тех, кто может себе позволить недвижимость рядом с пляжем. Но вскоре они сменяются другой застройкой – смесью миссионерского и французского колониального стилей. Черепичные крыши, оштукатуренные стены, ярко раскрашенные ставни, вазоны с петуниями и геранью.

– Ты только не злись, – говорит Ари, и я тут же ошетииваюсь, предчувствуя повод для раздражения, – но мне показалось, что Квинт – неплохой парень.

Я расслабляюсь, понимая, что неосознанно готовилась услышать что-то оскорбительное. Но Ари слишком мила, чтобы кого-то критиковать. Даже Квинта Эриксона. Я фыркаю:

– *Все* находят Квинта милым, пока им не доведется поработать с ним в паре. – Я выдерживаю паузу, размышляя. – Не то чтобы я считала его плохим парнем. Он не дурак, не хулиган и не отморозок. Просто он такой... такой...

Мне никак не удастся подобрать нужного слова.

– Славный?

Я бросаю на нее ледяной взгляд:

– Ты могла бы найти кого-то получше.

Она смеется:

– *Меня* он не интересуется.

В ее тоне угадывается какая-то недосказанность. *Ее* он не интересуется, но...

Слова повисают в воздухе между нами. Она что, намекает на *мой* интерес?

О, ужас!

Я крепко обхватываю себя руками.

– Я хотела сказать, что он никчемный. И к тому же эгоист. Вечно опаздывает на занятия, как будто то, чем он занимается, куда важнее того, что делаем мы. Как будто его время более ценно, и ему позволительно вваливаться в класс в самый разгар урока, отвлекая мистера Чавеса, заставляя всех нас ждать, пока он займет место, да еще и отпустит какую-нибудь глупую шутку по этому поводу, вроде... – Я понижаю голос, копируя его интонации. – *О, черт, эти пробки Фортуны, жесть!* Когда все мы знаем, что в Фортуна-Бич не бывает никаких пробок.

– Короче, он не пунктуален. Но бывают недостатки и похуже.

Я вздыхаю.

– Ты не понимаешь. Никто не понимает. В качестве партнера по лабораторным работам он просто невыносим.

Ари вдруг ахает и резко выворачивает руль. Я хватаюсь

за ремень безопасности и, обернувшись, вижу через заднее стекло свет фар. Не знаю, когда спортивный автомобиль появился сзади, но он в опасной близости от нашего бампера. Я наклоняюсь вперед, чтобы посмотреть в боковое зеркало.

– Там был знак «Стоп»! – кричит Ари.

Спортивное авто виляет туда-сюда, двигатель ревет, набирая обороты.

– Чего он хочет? – Ари уже на грани истерики. Хотя у нее есть права, уверенности за рулем ей пока не хватает. Но что-то подсказывает мне, что, когда на хвосте висит подозрительная тачка, нервы могут дрогнуть даже у самых опытных водителей.

– Может, он хочет нас обогнать?

– Мы не на автостраде!

Мы едем по узкой улице жилого квартала, где и так тесно из-за припаркованных с обеих сторон автомобилей. Ограничение скорости здесь двадцать пять миль в час¹³, и я уверена, что Ари точно соблюдала его. Теперь, когда она в панике, скорость падает до двадцати. Я подозреваю, что это еще больше бесит водителя позади нас.

Сигналиит клаксон – дерзко, грубо.

– Что у них там стряслось? – кричу я.

– Я, пожалуй, припаркуюсь, – говорит Ари. – Может... может, там женщина рождает на пассажирском сиденье или еще что?

¹³ Сорок км/час.

Я с изумлением смотрю на нее. Только Ари может оправдать такое непростительное поведение.

— Больница в той стороне. — Я показываю большим пальцем назад.

Ари съезжает на обочину. Она находит место между двумя припаркованными автомобилями и старается заехать под углом, что непросто, учитывая длину универсала. Тем не менее, остается достаточно места для проезда другой машины.

Двигатель взвизгивает, и спорткар проносится мимо. Я мельком замечаю женщину, высунувшуюся из пассажирского окна с зажженной сигаретой. Она показывает Ари средний палец.

Меня захлестывает ярость.

Кулаки сжимаются, и ногти впиваются в ладони. Я представляю себе, как кармическая справедливость настигает наглецов. Лопнет шина, и они слетят с дороги, врежутся в телеграфный столб, и...

БАХ!

Мы с Ари вскрикиваем. На мгновение кажется, что раздался выстрел. Но мы видим, как далеко впереди спорткар теряет управление.

Шина лопнула.

Я прижимаю ладонь ко рту. Все происходит словно в замедленной съемке. Автомобиль разворачивается на сто восемьдесят градусов, чудом не задевая припаркованные машины. Его выносит на тротуар, и он останавливается, когда

передний бампер врезается – нет, не в телеграфный столб, а в гигантскую пальму. Капот сминается, как алюминиевая банка.

Мы с Ари ошеломленно рассматриваем покореженную машину. Наконец Ари кое-как отстегивает ремень безопасности и ногой распахивает дверь. Она бежит к месту аварии, прежде чем я успеваю опомниться и пошевелиться, да и то только для того, чтобы разжать кулаки.

Пальцы покалывает, как будто на грани онемения. В свете уличного фонаря они кажутся оранжевыми.

Совпадение.

Просто какое-то странное совпадение.

Я машинально выуживаю из кармана телефон и звоню в полицию. К тому времени, как я сообщаю оператору информацию, дрожь в руках утихает, и Ари возвращается.

– Все в порядке, – запыхавшись, говорит она. – Сработали подушки безопасности.

– Я позвонила в полицию. Они скоро будут здесь.

Она кивает.

– Ты в порядке? – спрашиваю я.

Ари забирается на свое место.

– Думаю, да. Просто ужасно испугалась.

– Я тоже. – Я тянусь к ней и сжимаю ее ладонь.

Она поднимает на меня страдальческий взгляд:

– Это ужасно, но когда все случилось... в какое-то мгновение после того, как они разбились, моей первой мыслью

было...

Она замолкает.

– ... так им и надо, – заканчиваю я за нее.

Она виновато морщится.

– Ари, они вели себя как придурки. И черт знает что творили на дороге. Мне неприятно это говорить, но... *так им и надо.*

– Ты же не всерьез.

В том-то и дело, что *всерьез*, но я предпочитаю не отвечать и просто выпускаю ее руку.

– Хорошо, что никто не пострадал. Включая нас. – Я потираю затылок. Шишка, кажется, уменьшилась. – Не думаю, что моя голова выдержала бы сегодня еще один удар.

Семь

К утру головная боль проходит, но остается сонливость, и в черепной коробке висит туман. Я распечатаваю свою статью о морском черте и заметку Джуда о гигантской акуле и одеваюсь.

– Последний день, – шепчу я своему отражению в зеркале ванной. Эти слова мотивируют меня, как мантра. Я чищу зубы и привычно расчесываю спутавшиеся волосы. *Последний день. Последний день. Последний день.*

Я проснулась на час позже обычного и слышу, что внизу уже царит хаос. Папа поставил альбом группы «Кинкс», и звучит одна из их жизнерадостных, оптимистичных композиций – «Давай потанцуем». У папы своя теория: утро, начинающееся приятной музыкой, гарантирует потрясающий день. Думаю, в этом что-то есть, и верю в то, что хорошее начало – залог успеха, но иногда его бодрые утренние мелодии скорее бесят, чем вдохновляют. Мы все при случае пытаемся сказать ему об этом, но он вечно отмахивается от критики. Не удивлюсь, если у него уже готов утренний плейлист на все лето.

Перекрикивая музыку, четырехлетняя Элли – сгусток энергии и эмоций – вопит бог знает что. Порой мне кажется, что жизнь Элли – одна сплошная истерика. Нет, я не полезу в ванну. *Нет, я не хочу надевать носки. Нет, я ненавижу*

крекеры-рыбки. Эй, Люси ест мои крекеры-рыбки, это нечестно.

Я слышу грохот падения с лестницы и пронзительный крик мамы:

– Люси! Я же просила, только не дома!

– Извини! – доносится не очень-то раскаивающийся голос Люси. В следующее мгновение я слышу, скрип задней сетчатой двери.

Тринадцатилетняя Люси удручена тем, что после каникул пойдет в девятый класс – начальный в старшей школе. То есть, снова опустится на низшую ступень школьной иерархии. Иногда нам с Джудом кажется, что ее подменили при рождении, перепутав с нашим настоящим братом. Начать с того, что Люси популярна. Даже чересчур. Но это не шаблонная популярность подросткового кино. Люси не ходит в школу на каблуках, не проводит все свободное время в торговом центре, она не капризная и не злая. Она просто нравится людям. Самым разным. Исходя из моих ограниченных знаний о светской жизни школы Фортуна-Бич, могу сказать, что Люси рады практически во всех компаниях. Она занимается почти всеми видами спорта. Активно участвует в организации благотворительных марафонов, фестивалей и других школьных мероприятий, которые мы с Джудом обычно избегаем. Меня корбит от этих зрелищ.

Единственная группа, с которой у нее, похоже, нет прочных связей – это мы. Она совершенно не интересуется му-

зыкай, почти не слушает ее по радио, но довольно часто надевает наушники, чтобы слушать свежие подкасты о настоящих преступлениях, а не папины песни дня. Она единственная в нашей семье, кто никогда даже не пытался научиться играть на музыкальном инструменте.

Я два года брала уроки игры на фортепиано, а Джуд рьяно осваивал гитару. Правда, никто из нас не добился успеха, и мы оба сдались к концу средних классов. Бедный синтезатор, который родители подыскали мне в местном ломбарде, с тех пор собирает пыль в углу гостиной.

Наша девятилетняя сестра Пенни любит музыку, но не ту, которой нас пичкают, заставляя полюбить, родители. Она предпочитает поп, R&B и альтернативную музыку из хит-парадов Топ-40. Такого, как правило, не встретишь в музыкальном магазине. Только благодаря Пенни я знаю хоть что-то о современной музыке, и, честно говоря, мои познания пока еще слишком отрывочны. На самом деле, если бы родители не потащили нас смотреть фильм *Yesterday*, вдохновленный «Битлз», я, наверное, до сих пор не знала бы, кто такой Эд Ширан¹⁴.

По иронии судьбы, Пенни – единственная из детей Барнетт, кто по-настоящему владеет музыкальным инструментом. Если можно так сказать. Она уже три года учится играть на скрипке. Можно было бы решить, что, даже будучи

¹⁴ Эд Ширан (род. 1991) – британский поп-музыкант и актер. Сыграл роль самого себя в фильме *Yesterday* и написал музыку для этого фильма.

ребенком, она смогла добиться некоторого прогресса за три года, но звуки, которые она извлекает из струн, сегодня бьют по ушам так же, как и в первый день ее занятий. Сегодня мне необходим допинг. Подкрашивая губы самой яркой красной помадой из всех моих, я слышу, как она репетирует в комнате, которую делит с Люси.

Не могу сказать, пытается ли она подыграть «Кинкс» или просто зубрит урок. В любом случае, от ее скрипки у меня снова начинает болеть голова. Я сердито фыркаю и пытаюсь закрыть дверь ванной.

Из коридора просовывается нога, не давая мне это сделать. Дверь отскакивает обратно на меня.

– Привет. – Джуд прислоняется к дверному косяку. – Чувствуешь в воздухе запах свободы?

Я задумчиво причмокиваю.

– Забавно. На вкус она точно такая, как отбеливающая зубная паста «Крест».

Я закрываю тюбик губной помады и бросаю его в косметичку. Протискиваюсь мимо Джуда, чтобы вернуться в свою спальню.

– Ну, как, разработали планы по осаде пещеры гоблинов или что там у вас?

– Остров Гвендахир, если тебе действительно интересно. Я хочу, чтобы там были древние руины, среди которых спрятан ключ к мощному заклинанию, но если попытаться произнести заклинание не в том порядке, или вовсе не расшиф-

ровать его, тогда произойдет что-то действительно ужасное. Пока не знаю, что именно.

Он колеблется, а потом добавляет:

– Может, действительно, откроется подземелье, полное гоблинов.

Он идет за мной, но задерживается в дверях. В нашем доме существует негласное правило – никогда не входить в чужую комнату без приглашения. Вообще-то в нашей семье не существует жестких ограничений, но эту границу мы с Джудом охраняем любой ценой. Дом, в котором мы живем, не слишком подходит для семерых. Здесь всего три полноценных спальни: хозяйская – для родителей; общая у Люси с Пенни – с двухъярусной кроватью и отдельная – для меня. Комната Джуда внизу – в переоборудованном подвале. Но, поскольку малышка Элли все еще спит в спальне родителей – в детской кроватке и быстро вырастает из нее, в последнее время все чаще заходят разговоры о том, что надо бы сделать некоторую перепланировку. Я боюсь, что для меня это обернется потерей личного пространства. К счастью, мои родители слишком заняты в музыкальном магазине, чтобы возиться с перестановкой и ремонтом, поэтому статус-кво сохраняется. Пока.

– Ну, и как прошла караоке-вечеринка?

Я хмурюсь:

– Очень мило с твоей стороны спрашивать об этом, ведь *кто-то* записал меня на исполнение «Мгновенной кармы»

и даже не потрудился предупредить.

Он морщит лоб:

– Серьезно?

Я облизываю губы и качаю головой:

– Ладно. Все в порядке. Я не злюсь. На самом деле, было довольно весело. Но все же, в следующий раз предупреждай меня, договорились?

– Ты о чем? *Я* не вписывал твое имя.

Я перестаю заплетать косу и пристально смотрю на него.

Похоже, он совершенно сбит с толку.

Впрочем, так же отреагировала и Ари.

– Это не ты?

– Нет. Я бы не стал этого делать. Во всяком случае, без твоего согласия.

Я вплетаю в косу ленту и завязываю ее.

– Но, если ни ты, ни Ари этого не делали...

Помолчав, Джуд нерешительно спрашивает:

– Квинт?

– Нет.

Надо признаться, эта мысль пришла и мне в голову, но я ее отвергла. Квинт не мог слышать, как мы говорили об этой песне. И Карлоса тоже не было рядом.

– Может, это та женщина – ведущая караоке? Что, если она слышала наш разговор и решила, что меня нужно немного подтолкнуть?

– Это было бы непрофессионально с ее стороны.

– Вовсе нет. – Я беру со стула рюкзак. – В любом случае, думаю, это не имеет значения. Я пела. Танцевала. Вышло более-менее сносно, на мой взгляд.

– Жаль, что я это пропустил.

– Это точно. Кстати, я распечатала для тебя твою заметку. – Я протягиваю ему листок с текстом.

– Спасибо. Да, и еще. – Он барабанит костяшками по дверному косяку. – Я хотел бы сходить сегодня на костер в честь окончания года.

– Правда? Ты? – Ежегодная школьная вечеринка у костра одинаково касается и Джуда, и меня. В прошлом году мы не пошли, хотя многие девятиклассники там побывали. Помнится, некоторые из наших ребят ходили туда еще в средних классах. – С чего вдруг?

– Просто подумал, что надо бы посмотреть, что там и как. Ну, типа, не попробуешь – не узнаешь. А вы с Ари не хотите пойти?

Моя инстинктивная реакция – *ни в коем случае, спасибо, нам и так хорошо*. Но мне все-таки хочется понять мотивы Джуда. Я искоса поглядываю на него. Он старается казаться невозмутимым. Слишком старается.

– Ох! – Я присаживаюсь на край кровати и натягиваю носок. – Это потому, что там будет Майя, не так ли?

Он бросает на меня равнодушный взгляд:

– Хочешь – верь, хочешь – нет, но я живу не по расписанию Майи Ливингстон.

Я вскидываю брови. Не слишком убедительно.

– Как бы то ни было, – ворчит он. – У меня все равно нет никаких планов на вечер, да и тебе без домашних заданий делать нечего. Соглашайся. Пойдем, посмотрим, что это такое.

Я мысленно представляю себе эту картину. Мы с Джудом и Ари потягиваем газировку у огромного костра и, по уши в песке, ослепленные солнцем, наблюдаем, как старшеклассники пьют дешевое пиво и борются друг с другом в волнах.

Должно быть, мое полное безразличие отражается на лице, потому что Джуд заливается смехом.

– Я захвачу с собой книжку, – говорит он. – На случай, если это будет ужасно. При худшем раскладе мы займем место рядом с едой и будем читать весь вечер. И я попрошу Ари принести гитару.

Мое представление о грядущей вечеринке меняется. Я вижу, как мы втроем слоняемся по пляжу, с книгами и сморами¹⁵ в руках, и Ари наигрывает свою новую мелодию. Теперь вырисовывается поистине восхитительный вечер.

– Ладно, пойду. – Я закидываю рюкзак на плечо. – Но в воду не лезу.

– Даже не думал предлагать тебе, – замечает Джуд.

Он знает, что я ужасно боюсь океана, прежде всего из-за

¹⁵ S'more (англ.) – традиционный американский десерт, который готовят на костре. Десерт состоит из поджаренного зефира и шоколада, зажатого между двумя крекерами.

акул. Но я бы покривила душой, если бы сказала, что перспектива облачения в купальный костюм на глазах доброй половины учеников нашей школы не вселяет в меня вселенского ужаса.

Мы спускаемся вниз. Папа только что поставил новый диск, и жизнеутверждающие аккорды «Бич Бойз» заполняют гостиную. Я заглядываю в дверной проем и вижу, как папа пританцовывает вокруг кофейного столика. Он пытается увлечь своим танцем Пенни, но она лежит на полу, поглощенная видеоигрой на папином планшете, и мастерски игнорирует его приглашения.

Обычно я стараюсь обходить гостиную стороной, потому что с годами она стала чем-то вроде свалки. Уборка и порядок в доме давно перестали заботить наших родителей, и всякие бесполезные вещи, с которыми никто не знает что делать, как правило, скапливаются в гостиной. Это не только мой синтезатор, но и коробки с заброшенными поделками, и стопки непрочитанных журналов. Да, и еще пластинки. Море виниловых пластинок, устилающих все поверхности, сваленных кучами на древнем ковре. От одного вида этого бедлама у меня портится настроение.

Мы с Джудом поворачиваем в другую сторону, в кухню. Слава богу, Элли, кажется, закончила с дежурной истерикой и теперь завтракает за столом, одетая в свое любимое платье с вышитой пайетками обезьянкой на груди. Она бездумно запихивает в рот хлопья, глядя в раскрытый журнал. Она

еще не умеет читать, но ей нравится рассматривать фотографии животных в «Нэшнл Географик» для детей. Из окна я вижу, как на заднем дворе Люси пинает футбольный мяч в стену дома.

Учебный год в начальных и средних классах закончился вчера, так что у Пенни и Люси первый официальный день летних каникул. Дошкольников из класса Элинора распустили еще на прошлой неделе. Мама сидит напротив Элли со стаканом томатного сока, ноутбуком и множеством квитанций, разбросанных вокруг, и одного взгляда на нее достаточно, чтобы понять, насколько она уже измотана изменениями в расписании.

– Я хотела приготовить на завтрак блинчики в честь окончания учебного года, – говорит она, когда мы с Джудом заходим в кухню, и тут же беспомощно пожимает плечами. – Но, видимо, не получится. Может, в выходные?

– Не беспокойся. – Джуд достает из шкафа миску. Он был бы рад жить на одних кукурузных хлопьях, если бы родители позволили.

Я включаю блендер на рабочем столе, чтобы приготовить свой обычный утренний смузи¹⁶. Достāju молоко и арахисовое масло, тянусь за фруктами... И замираю.

– Куда делись все бананы?

¹⁶ Smoothie (от *англ.* smooth – однородный, мягкий, приятный) – густой напиток в виде смешанных в блендере или миксере ягод, фруктов или овощей (обычно одного вида) с возможным добавлением молока, сока, льда, мороженого и т. д.

Никто не отвечает.

– Э-э, мам? Ты купила две связки бананов, кажется, пару дней назад?

Она едва отрывает взгляд от экрана.

– Не знаю, милая. В этой семье пятеро детей.

Мое внимание привлекает какое-то движение. Элли подняла журнал и прикрывает им лицо.

– Элли? – строго спрашиваю я и, подскочив к ней, выхватываю журнал у нее из рук. Она запихивает в рот последние кусочки банана. Ее щеки раздуваются, и она изо всех сил пытается жевать. Кожа зажата у нее в ладошке. Вторая банановая шкурка валяется рядом с пустой миской из-под хлопьев.

– Элиноор! Серьезно? Это невежливо! Мама!

Мама поднимает глаза и смотрит с осуждением. На меня, конечно.

– Ей четыре года, и это всего лишь *банан*.

У меня вырывается стон, но я сдерживаюсь. Дело вовсе не в банане. Дело в принципе. Она услышала, как я спросила про бананы, и только поэтому сунула его в рот. Будь на моем месте Джуд, она бы преподнесла ему банан на серебряном блюде.

Я бросаю журнал на стол.

– Ладно, – бормочу я. – Найду что-нибудь другое.

Кипя от возмущения, я роюсь в морозилке, надеясь найти хотя бы пакет замороженных ягод. Но поиски тщетны, и я

отхожу от холодильника, сжимая кулаки. Я бросаю на Элли испепеляющий взгляд через плечо, и вижу, как она глотает остатки банана. Тьфу. Маленькая эгоистка...

В окно влетает футбольный мяч и опрокидывает мамин стакан. Томатный сок заливает столешницу, мама вскрикивает и хватается стопку квитанций. Элли сидит в оцепенении с широко распахнутыми глазами, а река темно-красного сока льется через край стола прямо ей на колени.

Я изумленно моргаю, вспоминая вчерашних пьяных хулиганов из «Энканто». Вишенка. Пролитое пиво. Дежавю. Все это так странно.

– Люси! – кричит мама.

Люси стоит в дверях кухни, вытянув руки, словно все еще держит в них мяч. Она выглядит озадаченной.

– Я этого не делала!

– А, ну да. Я уверена, что сам Господь выбил мяч у тебя из рук и швырнул его на стол! – возмущается мама.

– Но...

– Не стой столбом! Возьми полотенце!

Я знаю, что она обращается к Люси, но Джуд опережает всех и приносит пачку бумажных полотенец, чтобы помочь с уборкой.

– Мама! – Голос Элли дрожит. – Это мое любимое платье!

– Я знаю, милая, – рассеянно отвечает мама, озабоченно осматривая ноутбук и проверяя, не попал ли на него сок. – Прю, ты не поможешь сестре переодеться?

Мама называет меня по имени, выводя из ступора. Это всего лишь пролитый сок. Всего лишь футбольный мяч. Это просто совпадение.

Но такое *странное*.

Я разжимаю кулаки – пальцы покалывает. Обхожу стол, и Элли послушно поднимает руки, позволяя стянуть с нее липкое мокрое платье.

– Это мое любимое. – Она надувает губы. – Его можно спасти?

Она не бьется в истерике, но я не могу избавиться от чувства вины. Хотя это не *моя* вина. Я даже не приближалась ни к стакану сока, ни к футбольному мячу, если на то пошло. Просто Люси нужно научиться быть более осторожной.

– Я нанесу на него пятновыводитель, и будем надеяться на лучшее, – успокаиваю я сестренку. – Иди и выбери что-нибудь другое на сегодня.

Она бросает злобный взгляд на Люси, которая его не замечает, потому что помогает маме и Джуду с уборкой. Элли ворчит и убегает наверх.

– Джуд, я закину это в стирку, а потом нам надо выходить, – говорю я. – Последний день в школе. Нельзя опаздывать.

Он кивает, выбрасывая кроваво-красные полотенца в мусорное ведро.

– Хочешь рогалик в дорогу?

– Ага, спасибо.

Я иду в прачечную, достаю пятновыводитель из пластикового контейнера рядом со стиральной машиной и наношу его на влажную ткань. Пятно тянется по всей длине платья, от уха блестящей обезьянки до самого подола.

Возможно, это лишь игра моего воображения, но, клянусь, у пятна совершенно точная форма банана.

Восемь

Едва я переступаю порог класса, мистер Чавес прикрикивает на меня:

– Работу на стол, пожалуйста, а потом заберите свой итоговый проект с оценкой. – Он указывает маркером на стопку бумаг на столе.

Я достаю свой отчет о морском черте и кладу его поверх остальных работ. Проходя по рядам, с удивлением замечаю, что мой стол не пустует. Квинт уже на месте. Рановато. Раньше *меня*.

Я замираю. Честно говоря, я не ожидала, что Квинт сегодня придет, даже если он и упоминал об этом накануне. Я думала, что в последний день перед летними каникулами он пополнит ряды отсутствующих, как и половина десятиклассников, а также одиннадцатый и двенадцатый классы почти в полном составе.

Но, подумать только, он здесь, листает папку с прозрачными вкладышами. Это отчет, который он сдал вчера. Наш отчет.

Я настороженно поглядываю на него и иду к столу мистера Чавеса, чтобы забрать диораму Мейн-стрит. Я осматриваю макет в поисках каких-то признаков оценки, но ничего не нахожу.

Я подхожу к нашему столу и ставлю модель на угол. Квинт

поднимает на меня взгляд.

– Как себя чувствуешь? – спрашивает он.

После его вопроса возвращается боль в затылке. Она почти не беспокоила меня все утро, но напоминание о падении заставляет меня инстинктивно ощупать шишку, которой уже практически нет.

– По-разному. – Я сажусь на свое место. – Ну, как мы справились?

Он пожимает плечами и, снимая с обложки отчета голубой стикер, и приклеивает его к столешнице между нами.

Сердце ухает вниз, когда я читаю то, что там написано.

Пруденс: В -

Квинт: В +

Общий балл: С¹⁷

– Что?! – едва ли не вскрикиваю я. – Это что, шутка?

– Я так и думал, что тебя это, скорее всего, не обрадует, – говорит Квинт. – Скажи, тебя больше огорчает общий балл «С» или то, что моя оценка выше твоей?

– И то и другое! – Я подаюсь вперед, вчитываясь в комментарий мистера Чавеса, оставленный под оценками.

¹⁷ Буквенная система оценок, принятая в большинстве учебных заведений США: А (отлично), В (хорошо), С (удовлетворительно), D (посредственно), F (неудовлетворительно). К оценкам нередко добавляют плюс или минус.

*Пруденс: образцовая работа, но мало прикладной науки.
Квинт: впечатляющие концепции, но неряшливое исполнение
и сумбурный текст. Проект демонстрирует общее отсут-
ствие согласованности и последовательности в реализации
ключевых идей. Обе оценки могли бы быть выше при условии
лучшей коммуникации и командной работы.*

– Что? – повторяю я, и у меня вырывается возмущенное рычание. Я качаю головой. – Так и знала, что надо было самой написать отчет!

Квинт смеется. Смеется от души, привлекая внимание одноклассников.

– Конечно, только такой вывод ты и могла сделать из этого комментария. Ясно, что мое участие создало проблему, хотя... – Он наклоняется вперед и постукивает пальцем по своей оценке «В +».

Я пристально смотрю на него.

– Это, наверное, ошибка.

– Естественно.

Сердце колотится. Дыхание становится прерывистым. Как такое возможно? Я никогда раньше не получала «С», ни по одному предмету. А мой макет! Мой великолепный макет, над которым я так долго и усердно работала, продумывая мельчайшие детали... И за это только «В» с минусом?

Что-то не так. Мистер Чавес просто запутался, не понял, кто и что делал. Видимо, накопилась усталость от проверки

всех остальных работ, прежде чем он добрался до нашего проекта.

Это какое-то недоразумение.

– Ладно, а если серьезно, оценки не главное, – Квинт отдирает от стола стикер и возвращает его на обложку, – как твоя голова?

Я знаю, что в его вопросе нет подвоха. Вряд ли Квинт хочет подколоть меня или обидеть. Но все равно это звучит почти упреком, как будто я слишком остро реагирую на то, что он считает пустяком.

– С головой у меня полный порядок, – шиплю я.

Я резко отодвигаюсь от стола вместе со стулом, хватаю папку с отчетом и иду к учительскому столу. Те немногие, кто решил не пропускать последний день занятий, все еще подтягиваются, и Клодия отшатывается, когда я, как бульдозер, спешу по проходу.

Мистер Чавес видит, что я приближаюсь, и тотчас меняются его поза, осанка, выражение лица. Теперь он – сама собранность, ожидание и полное отсутствие удивления.

– Полагаю, тут какая-то ошибка. – Я протягиваю папку, чтобы он мог видеть свою дурацкую записку. – Такого результата просто не может быть.

Он вздыхает.

– Я предполагал, что услышу это от вас, мисс Барнетт. – Он сцепляет пальцы в замок. – Это сильная работа. Вы – непревзойденный докладчик, ваши идеи интересны, макет

просто роскошный. Будь это курс по бизнесу, вы, безусловно, получили бы «А» с плюсом за такой проект.

Он выдерживает паузу, и на его лице появляется сочувствие.

– Но это *не* курс по бизнесу. Здесь класс биологии, и ваше задание заключалось в том, чтобы представить доклад по теме, имеющей отношение к тому, что мы изучали в этом году. – Он пожимает плечами. – Конечно, экотуризм и биология пересекаются во многих областях, но вы не затронули ни одной из них. Вместо этого вы говорили о потенциале, прибыли и маркетинговых кампаниях. И еще... если бы вы смогли убедить меня в том, что совместно разрабатывали хотя бы *что-то* из представленного отчета, это значительно повысило бы и ваши индивидуальные оценки, и общий балл. Но вы с Квинтом ясно дали понять, что не рассматривали проект как командную работу. – Он поднимает брови. – Я прав?

Я пристально смотрю на него. С этим не поспоришь, и он это знает. Конечно, это не было командной работой. Чудо, что Квинт вообще представил отчет. Но я же не виновата, что оказалась в паре с ним!

Я чувствую жжение в глазах. Слезы готовы брызнуть не только от досады и разочарования.

– Но я так много работала над этим. – Я безуспешно стараюсь говорить ровным голосом. – Я с ноября занималась исследованиями. Брала интервью у местных активистов, срав-

нивала эффективность аналогичных рынков, я...

– Знаю, – кивает мистер Чавес. Он выглядит грустным и усталым, и от этого мне становится еще хуже. – Мне очень жаль, но все это просто не соответствовало заданию. Это был научный проект, Пруденс. А не маркетинговая кампания.

– Я знаю, что это научный проект! – Я опускаю взгляд на папку. С фотографии на обложке на меня смотрит тюлень или морской лев или кто он там, опутанный рыболовной леской. Его печальный взгляд говорит больше любых слов. Качая головой, я поднимаю папку повыше, чтобы мистеру Чавесу было лучше видно.

– И вы поставили Квинту более высокий балл? Все, что он сделал – взял мои идеи и перенес их на бумагу, и, судя по вашей оценке, даже с *этим* он справился недостаточно хорошо!

Мистер Чавес ошеломленно хмурится и смотрит на меня так, словно я вдруг заговорила на чужом языке.

И тут я понимаю, что в классе царит тишина. Все вслушиваются в наш разговор.

И я уже не одна стою перед мистером Чавесом. Его взгляд скользит в сторону, и я, поворачивая голову, вижу Квинта. Он мнется рядом со мной, сложив руки на груди. Я не могу прочесть выражение его лица, но он как будто говорит нашему учителю: *«Видите? Вот каково мне пришлось»*.

Я расправляю плечи и шмыгаю носом так сильно, что боль пульсирует в пазухах, но, по крайней мере, это сдерживает

слезы.

– Пожалуйста, – говорю я. – Вы говорили, что от этого проекта на тридцать процентов зависит годовая оценка, и я не могу допустить, чтобы из-за него снизился мой средний балл. Должен же быть какой-то способ исправить это. Могу я переделать работу?

– Мисс Барнетт, – осторожно спрашивает мистер Чавес, – вы хотя бы читали свой отчет?

Я хлопаю ресницами.

– Мой отчет?

Он постукивает пальцами по обложке.

– Имя Квинта не единственное, что там значится. Теперь ясно, что вы оба не смогли работать сообща. Вы, похоже, оказались самой конфликтной командой за все время моего преподавания. Но вы хотя бы прочитали отчет? Не так ли?

Я молчу, не в силах выйти из ступора.

Взгляд мистера Чавеса, полный изумления, мечется между мной и Квинтом. Наконец учитель усмехается и потирает переносицу.

– Что ж. Это многое объясняет.

Я смотрю на отчет, который держу в руках, и мне впервые становится интересно, что же в нем написано.

– Если я позволю вам пересдать работу, – продолжает учитель, – тогда мне придется дать такой же шанс всем остальным.

– И что? – Я обвожу рукой класс, все еще полупустой. –

Никто из них им не воспользуется.

Мистер Чавес хмурится, хотя мы оба знаем, что это правда. Он снова вздыхает, на этот раз еще тяжелее, и смотрит на Квинта.

– А вы что скажете, мистер Эриксон? Вы заинтересованы в пересдаче вашего проекта?

– Нет! – выкрикиваю я. А Квинт начинает хохотать, как будто ничего смешнее никогда в жизни не слышал. Я ошеломленно смотрю на него и пытаюсь повернуться к мистеру Чавесу так, чтобы не видеть Квинта.

– Я не имела в виду... я бы хотела переделать отчет. Но на этот раз в одиночку.

Учитель качает головой, а Квинт переводит дыхание и говорит:

– Нет-нет, меня вполне устраивает оценка, спасибо.

Я киваю на него:

– Видите?

Мистер Чавес пожимает плечами, не оставляя никакой надежды:

– Тогда нет. Извините.

Его слова бьют наотмашь, и теперь у меня такое чувство, будто мне не удастся их перевести.

– Нет? Но вы только что говорили...

– Даю вам обоим возможность пересдать проект, если вы этого хотите. Как и всем, – он повышает голос, оглядывая класс, – кто чувствует, что не выполнил задание в полную

силу и хотел бы получить еще один шанс. Но... это командный проект. Либо команда работает над тем, чтобы улучшить свой результат, либо никакой пересдачи.

– Но это же несправедливо! – Меня самую коробит от хныкающих ноток в голосе, совсем как у малышки Элли. Но я ничего не могу с собой поделать. Квинт говорит, что не станет переделывать работу. Мне не следует полагаться на *него*, отъявленного лентяя, чтобы повысить собственную оценку!

Квинт усмехается за моей спиной, и я поворачиваю к нему пылающее гневом лицо. Он тотчас замолкает и неторопливо возвращается к нашему столу.

Мистер Чавес начинает писать на доске. Я понижаю голос и подхожу ближе.

– Тогда мне нужен другой напарник. Я сделаю проект с Джудом.

Он качает головой.

– Мне очень жаль, Пруденс. Нравится тебе это или нет, но Квинт – твой товарищ по команде.

– Но я не выбирала его. И не должна быть наказана за отсутствие у него мотивации. Вы сами видите, что он вечно опаздывает. Ему определенно наплевать на этот класс, на морскую биологию, на наш проект!

Мистер Чавес отвлекается от доски и переводит взгляд на меня. Мне хочется верить, что он пересматривает свою позицию, но что-то подсказывает мне, что это не так. Он начинает говорить, и мое возмущение с каждым его словом лишь

нарастает.

– В жизни, – неспешно объясняет он, – нам редко удастся выбирать тех, с кем работать. Начальников, одноклассников, студентов, коллег. Черт возьми, мы даже семью не выбираем, кроме супругов. – Он пожимает плечами. – Тебе придется смириться. Этот проект в равной степени связан и с морской биологией, и с умением работать в команде. И мне очень жаль, но вы с Квинтом не справились с этой частью задания.

Он снова повышает голос, обращаясь к классу:

– Все желающие повторно представить свои проекты, могут отправить мне переделанные работы по электронной почте до пятнадцатого августа. Не забудьте включить краткое изложение того, как именно была разделена работа между членами команды.

Я стискиваю зубы и понимаю, что изо всех сил прижимаю папку к груди.

Мистер Чавес снова переводит взгляд на меня и на папку, наверняка замечая побелевшие костяшки моих пальцев.

– Хочешь совет, Пруденс?

Я сглатываю. Мне не нужны его советы, но разве у меня есть выбор?

– Это биология. Может быть, стоит потратить немного времени на изучение животных, которых ваш проект так упорно стремится защитить. И мест их обитания. И тогда ты сможешь объяснить людям, почему они должны заботиться

о природе. Почему это должно волновать *туристов*. И... – Он указывает маркером на папку. – Может, все-таки найдешь время прочесть то, что написал твой напарник? Уверен, это удивит тебя, но на самом деле, у него есть несколько довольно хороших идей.

Он бросает на меня взгляд, граничащий с осуждением, и отворачивается к доске.

Аудиенция окончена, и я плетусь к своему столу. Квинт раскачивается на стуле, сцепив пальцы на затылке. Меня так и подмывает выбить из-под него стул, но я сдерживаюсь.

– Как тебе это? – весело спрашивает он, когда я плюхаюсь на свое место. – У меня есть несколько довольно хороших идей. Кто бы мог подумать?

Я не отвечаю. Кровь стучит в ушах.

Это. Так. Несправедливо.

Может, мне поговорить с директором? Нельзя же такого допускать?

Я испепеляю взглядом мистера Чавеса, а он обсуждает итоговые оценки с другими учениками. Никогда еще я не сталкивалась с таким предательством со стороны учителя. Сжимаю под столом кулаки. Мысленно представляю, как протекает авторучка мистера Чавеса, и темно-синие чернила заливают его рубашку. Или стакан с кофе опрокидывается на клавиатуру компьютера. Или...

– Доброе утро, мистер Ч.! – Эзра, проходя мимо мистера Чавеса, с размаху хлопает его по спине.

– Ой! – вскрикивает мистер Чавес, прикрывая рот рукой. – Эзра, полегче. Я из-за тебя язык прикусил. – Он отнимает руку ото рта, и, хотя издалека мне не слишком хорошо видно, но, кажется, его пальцы в крови.

Хм.

Не то чтобы я надеялась причинить ему физический вред, но, если подумать, почему бы и нет?

– Извини, дружище. Забыл, что ты старый и хилый, – хихикает Эзра, направляясь к своему столу, где Майя просматривает их работу.

Я откидываюсь на спинку стула. Гнев немного утихает, но я все еще переживаю из-за низкой оценки.

Эзра громко улюлюкает и предлагает Майе «отбить кулачок».

– «В» с плюсом! Есть!

У меня отвисает челюсть.

– Даже Эзра получил оценку выше, чем мы? Он только и делал, что рассуждал о вкусе супа из акульих плавников!

Нет. Это уже ни в какие ворота не лезет.

Тем временем Квинт невозмутимо просматривает фотографии в своем телефоне.

У меня голова идет кругом, и я обдумываю слова мистера Чавеса о моем макете, о моей презентации. Ума не приложу, что можно в ней изменить. Больше науки? Больше биологии? Больше внимания местной среде обитания? Но у меня всего этого в избытке.

Разве не так?

И все же, права я или нет, но с обложки на меня смотрит отметка «С», а рядом с моим именем стоит «В» с минусом. Я резко выдыхаю через нос.

– Квинт? – говорю я. Тихо. Размеренно. Не отрывая взгляда от ненавистного стикера.

– Да? – отвечает он отвратительно бодрым тоном.

Я сжимаю пальцами бедра. Мера предосторожности. Чтобы не задушить его.

– Ты сможешь... – я откашливаюсь, – ... *пожалуйста*, переделать этот проект вместе со мной?

На мгновение мы оба замираем. Как статуи. Краем глаза я наблюдаю за ним. Он ждет, пока погаснет экран его телефона, но все равно молчит.

Мой взгляд скользит по краю стола. К рукам Квинта, сжимающим телефон. Я вынуждена повернуть голову. Слегка, просто чтобы встретиться с ним глазами.

Он пристально смотрит на меня. Безо всякого выражения.

Я задерживаю дыхание.

Наконец он произносит тягуче, нараспев:

– Заманчивое предложение. – В его голосе слышится сарказм. – Но... нет.

– О, перестань. – Я поворачиваюсь к нему лицом. – Ты должен!

– Я никому ничего не должен.

– Но ты же слышал, что сказал мистер Чавес! Это должна

быть командная работа.

Он хохочет.

– О, и *теперь* мне нужно поверить, что мы станем командой? – Он качает головой. – Нашла мазохиста. Я – пас.

– Итак, класс! – Мистер Чавес хлопает в ладоши, чтобы привлечь наше внимание. – Считайте, что у вас свободный урок, а я пока проверю ваши работы.

Класс ликует, радуясь тому, что учитель не устроил напоследок какой-нибудь контрольной.

Квинт тянет руку вверх и, не дожидаясь разрешения, задает вопрос.

– Можно пересест?

Мистер Чавес смотрит в сторону нашего стола, мимолетно взглянув прямо на меня.

– Можно, только не шумите, ладно? Мне надо работать.

Стул Квинта скрипит по линолеуму. Не глядя на меня, он собирает свои вещи.

– До встречи в следующем году, – говорит он и пересаживается к Эзре.

Они дают друг другу пять, радуясь высоким оценкам за проект, а я киплю от злости.

Этому не бывать. Не хватало еще, чтобы от Квинта зависели мои баллы, мой успех, мое будущее!

– Прю? Ты в порядке? – спрашивает Джуд, садясь на освободившееся место Квинта.

Я поворачиваюсь к нему. Внутри меня собирается грозо-

вая туча.

– Что вы с Калебом получили за проект?

Джуд колеблется, прежде чем показать мне свой отчет. На обложке такой же голубой стикер, но с отличными оценками.

У меня вырывается стон досады. Понимая, как это звучит, я бросаю на Джуда завистливый взгляд.

– В смысле, рада за тебя.

– Очень убедительно, сестренка. – Он смотрит в затылок Квинту. – Ты, правда, хочешь попробовать пересдать?

– Да, но Квинт отказывается. Ладно, я что-нибудь придумаю. Он ведь не может помешать мне представить *мою* часть проекта, не так ли?

– Квинт или мистер Чавес?

– И тот и другой. – Хмурясь, я складываю руки на груди. – Видимо, моему проекту недостает *науки*. Что ж, тогда я под завязку напичкаю его научными выкладками. Туристический сектор Фортуна-Бич настолько погрязнет в науке, что жители по умолчанию получают степени магистров.

– Отлично. Это сэкономит мне кучу денег на оплату обучения.

Джуд достает альбом и начинает рисовать окровавленных, истерзанных сражениями эльфов. Он умеет расслабляться – еще бы, с такими-то оценками.

К концу урока мистер Чавес возвращает нам проверенные домашние задания. Последние оценки в этом году. За своего морского черта я получаю «А» с плюсом. Но это не успока-

ивает.

Как только раздается звонок, я бросаю Джуда, не дожидаясь, пока он уберет свой альбом в рюкзак, и бегу за Квинтом и Эзрой, спешащими к выходу.

– Подожди! – Я хватаю Квинта за предплечье.

Нет... за... бицепс?

Боже правый.

Квинт поворачивается ко мне. Он явно удивлен, но выражение его лица быстро сменяется невозмутимостью.

– Ты, кажется, в отчаянии.

Я его почти не слышу. Что там у него под рубашкой?

– Пруденс?

Возвращаясь к реальности, я отдергиваю руку. Жар приливает к щекам.

Квинт подозрительно прищуривается.

– Пожалуйста, – бормочу я. – Мне никак нельзя иметь «удовлетворительно» в табеле.

Квинт криво ухмыляется, словно мои мелкие проблемы его забавляют.

– Ты говоришь так, будто тебе светит тюрьма. Это всего лишь биология за десятый класс. Ничего, переживешь.

– Я все слышу! – кричит мистер Чавес, вытирая доску.

– Мистер Чавес, пожалуйста! – умоляю я. – Скажите ему, что он должен сделать эту работу со мной, или... или разрешите мне выполнить ее в одиночку!

Мистер Чавес поднимает глаза и пожимает плечами.

Черт.

– Послушай. – Я поворачиваюсь к Квинту. – Я знаю, что это не конец света, но у меня никогда не было троек. И я так усердно работала над макетом! Ты даже не представляешь, сколько труда я вложила в этот проект. – Глаза наполняются слезами, что застает меня врасплох. Я крепко зажмуриваюсь, пытаюсь сдержать эмоции, чтобы не дать Квинту повода для новых насмешек над трудоголичкой Пруденс.

– Ты права, – говорит он.

От удивления я открываю глаза.

– Я действительно понятия не имею о том, сколько сил ты вложила в этот проект. – Он делает шаг назад, пожимая плечами. – Потому что мне не доверяли настолько, что просто к нему не подпускали.

Тебе не доверяли? Мне хочется кричать. *Ты даже не пытался помочь!*

– К тому же, – добавляет он, – у меня есть более важные планы на лето.

Я фыркаю.

– Что, например? Видеоигры? Или серфинг?

– Ага, – со злостью усмехается он. – Ты отлично меня знаешь.

Квинт поворачивается и идет прочь.

Я чувствую, что все возможности исчерпаны. Меня охватывает беспомощность, еще сильнее разжигая гнев. Не люблю чувствовать себя беспомощной.

Глядя на удаляющуюся спину Квинта, я сжимаю кулаки и представляю себе, как земля разверзается под ним и поглощает его целиком.

– О, постойте, мистер Эриксон! – окликает его учитель.

Квинт замедляет шаг.

– Чуть не забыл. – Мистер Чавес роется в бумагах и вытаскивает папку. – Вот ваше дополнительное задание. Отличная работа. Фотографии действительно впечатляют.

Лицо Квинта смягчается, и он с улыбкой забирает папку.

– Спасибо, мистер Ч. Хорошего вам лета.

Я ошеломленно смотрю, как Квинт выходит из класса.

Что это было?

Я поворачиваюсь к мистеру Чавесу.

– Подождите. Вы позволили ему выполнить дополнительное задание? Но мне нельзя ничего сделать, чтобы повысить *свой* балл?

Мистер Чавес вздыхает.

– У него были смягчающие обстоятельства, Пруденс.

– *Что еще* за обстоятельства?

Он открывает рот, но колеблется. И пожимает плечами.

– Может, тебе стоит спросить об этом своего напарника.

Я издаю разъяренный стон и иду обратно к столу, чтобы собрать свои вещи. Джуд смотрит на меня с беспокойством, вцепившись в лямки рюкзака.

Мы – единственные, кто остался в классе.

– Это была доблестная попытка, – говорит он.

– Лучше молчи, – бормочу я в ответ.

Джуд, как никто понимающий меня, больше ничего не говорит, просто ждет. Я запикиваю папку в сумку и хватаю макет.

Такое чувство, словно мироздание меня разыгрывает.

Девять

Остаток учебного дня не отмечен ничем особенным. Понятно, что учителя так же, как и мы, жаждут летних каникул и попросту отбывают последние часы. На уроке испанского мы смотрим какую-то дурацкую теленовеллу. На истории играем в то, что мистер Грюнер называет «полуобразовательными» настольными играми – «Риск», «Линкор», «Поселенцы Катана». На английском мисс Уайтфилд зачитывает нам несколько непристойных шекспировских цитат. Там много оскорблений и юмора ниже пояса, и ей приходится переводить это для нас со старомодного английского, но к концу урока мои одноклассники уже хихикают и обзывают друг друга нарывающими *гнойниками* и *сметаннолицыми шутами*.

Это действительно очень веселый день. Мне даже удастся на время забыть о провале с биологией.

Провожая нас с последнего урока, миссис Данн вручает нам пакеты, полные мармеладных мишек и крекеров-рыбок, как будто мы шестилетки, отправляющиеся на пикник. Думаю, это приз за то, что мы потрудились прийти в школу в такой день.

– Sayonara! Adieu¹⁸! Пока! – распевает она на разных язы-

¹⁸ Sayonara (япон.), adieu (фр.) – Прощайте!

ках, в дверях вручая нам подарки. – Ведите себя хорошо!

Джуд ждет меня на крыльце. Ученики выплывают волнами, наэлектризованные свободой. Впереди ждут недели, полные возможностей. Солнечные пляжи, неспешные дни, марафоны Нетфликс, вечеринки у бассейнов и празднование по набережным.

Джуд, получив подарок миссис Данн раньше меня, жует крекеры-рыбки из пакетика. Я машинально протягиваю ему свои снеки, не вызывающие у меня ни малейшего аппетита. Мы сидим в дружеском молчании. Вот чем хороши близнецы. Мы с Джудом можем молчать часами, и у меня останется ощущение самого душевного разговора. Мы не ведем светских бесед. Нам не нужно развлекать друг друга. Мы можем просто быть рядом, оставаясь самими собой.

– Полегчало? – спрашивает он. И, поскольку мы впервые видимся после урока биологии, я сразу понимаю, о чем он говорит.

– Ни капельки, – отвечаю я.

Он кивает.

– Я так и думал. – Доев крекеры, Джуд комкает пакетик и целится им в ближайшую урну, но промахивается и, ворча, подходит и поднимает его с земли.

Я слышу приближающуюся машину Ари, прежде чем она оказывается в поле зрения. Через несколько секунд бирюзовый универсал въезжает на парковку, не превышая уста-

новленного ограничения скорости – пяти миль в час¹⁹. Ари подъезжает к подножию лестницы и высовывается из открытого окна с праздничной свистулькой во рту. Она дует, и серебристо-полосатый язычок разворачивается со скрипучим, торжествующим ревом.

– Вы свободны! – кричит она.

– Свободны от властителей! – отвечает Джуд. – Мы больше не будем гнуть спину, вкалывая на черной нудной работе!

Мы садимся в машину – длинноногий Джуд впереди, я сзади. Мы планировали этот день в течение нескольких недель, полные решимости начать лето правильно. Мы выезжаем с парковки, и я даю себе слово забыть на время о Квинте и нашей провальной презентации. В конце концов, имею я право хотя бы один день насладиться летними каникулами, прежде чем ломать голову над решением этой проблемы. Завтра что-нибудь придумаю.

Ари везет нас на набережную, где мы можем побаловать себя мороженым в «Соленой корове», крутом кафе, которое славится смешением необычных вкусов, таких как «мятная лаванда» и «куркума с маком». Однако, подъезжая, мы видим длиннющую очередь у входа, и нетерпеливые взгляды на многих лицах говорят о том, что она не двигается.

Мы переглядываемся.

– Пойду, проверю обстановку, – говорю я, когда Ари и Джуд встают в хвост, и протискиваюсь в дверь. – Извините,

¹⁹ 5 миль/час = 8 км/час.

я не пытаюсь пролезть без очереди, просто хочу посмотреть, что происходит.

Мужчина с тремя маленькими детьми, кажется, вот-вот взорвется.

– *Вот что происходит.* – Он сердито кивает на продавщицу.

Покупательница спорит – нет, *кричит* на бедную девушку за прилавком, которая на вид едва ли старше меня. Девушка вот-вот расплачется, но покупательница неумолима.

– *Что за некомпетентность? Это всего лишь мороженое, а не ракетостроение! Я сделала заказ месяц назад!*

– Простите, – умоляет девушка, заливаясь краской. – Не я принимала заказ. Я не знаю, что случилось. Нет никаких записей...

Не она одна на грани слез. Маленькая девочка с косичками стоит, опираясь ручонками о стеклянную витрину с мороженым, и смотрит то на разгневанную женщину, то на своих родителей.

– Почему так долго? – хнычет она.

– Я хочу поговорить с управляющим! – кричит женщина.

– Его здесь нет, – отвечает девушка за прилавком. – Я ничего не могу сделать. Мне очень жаль!

Не знаю, почему женщина так рассержена, и не уверена, что это имеет значение. Как она сама сказала, это же просто мороженое, и, очевидно, что бедная продавщица старается ей угодить. Женщина могла бы, по крайней мере, проявить

вежливость. Не говоря уже о том, что она задерживает очередь и не дает этим бедным детям – и *мне* – получить наше мороженое.

Я делаю глубокий вдох, готовая обрушиться на женщину. Может, если подойти к проблеме рационально, нам удастся узнать номер телефона управляющего, пусть придет и разберется с этим.

Я сжимаю кулаки.

Делаю два шага вперед.

– Что здесь происходит? – раздается строгий голос.

Я замираю. Люди в очереди расступаются, и полицейский входит в кафе-мороженое.

Или... пусть он разбирается?

Женщина открывает рот, явно собираясь снова закричать, но ее перебивают люди из очереди. Присутствие полицейского ободряет их, и внезапно все они готовы встать на защиту продавщицы.

– *Эта женщина всех достала.*

– *Она ведет себя грубо и нелепо.*

– *Пусть покинет заведение!*

Женщина, кажется, искренне потрясена полным отсутствием поддержки со стороны покупателей, даже тех, кто стоит рядом и слышал всю историю.

– Прощу прощения, мэм, но, похоже, мне следует проводить вас к выходу, – говорит офицер.

Она выглядит подавленной. Ошеломленной. И все еще

сердитой. Раздраженно ворча, она хватает со стойки визитную карточку кафе и презрительно смотрит на девушку, вытирающую слезы.

– Я позвоню вашему управляющему, я этого так не оставлю, – бросает она и выскакивает из кафе под громкий одобрительный гул очереди.

Я возвращаюсь к Джуду и Ари, потирая пальцы. Почему-то их опять покалывает. Я объясняю, что там произошло, и вскоре очередь снова начинает двигаться.

Покончив с мороженым, мы берем напрокат дорогуший суррей²⁰ под лимонно-желтым тентом и целый час крутим педали, гоняя по набережной. Ари без устали фотографирует нас. Мы корчим дурацкие рожицы и призываем ее перестать сачковать и начать работать ногами.

В какой-то момент нам приходится резко тормозить, чтобы не врезаться в группу туристов, которые занимают всю ширину тротуара и двигаются черепашим шагом. Ари нажимает на клаксон.

Один из туристов оглядывается, замечает нас, но возвращается к прерванному разговору. Полностью игнорируя нас.

– Извините! – просит Джуд. – Можно мы проедем?

Нет ответа.

Ари снова сигналиит. И снова. Но они не уступают дорогу. Какого черта? Они что, возомнили себя хозяевами набе-

²⁰ Четырехколесный экипаж без дверей, обычно двухместный, популярный в США в конце XIX – начале XX вв.

режной? Прочь с дороги!

Костяшки моих пальцев на руле белеют.

– Дайте проехать! Не можем остановиться! Убирайтесь! – раздаются крики с другой стороны.

Туристы вскрикивают от неожиданности и разбегаются – прямо на них несутся пятеро подростков на скейтбордах. Одна из женщин теряет сандалию, которая тут же оказывается под колесами скейтборда. Мужчина отпрыгивает назад так резко, что теряет равновесие и катится на заднице с набережной в пляжный песок. Все дружно кричат на бесцеремонных малолетних хулиганов, а мы с Джудом и Ари лишь переглядываемся ижимаем плечами и быстро проезжаем мимо туристов, прежде чем они успевают снова занять дорогу.

Вернув суррей, мы покупаем в передвижном киоске самую большую порцию картошки фри с чесноком и идем на пляж, за столик для пикника. Взметая ногами песок, мы отгоняем жадных чаек, которые так и норовят поживиться нашей едой. Когда одна из них подскакивает так близко, что Ари, взвизгнув, ныряет под стол, Джуд бросает птицам несколько подгоревших ломтиков со дна коробки, и пернатые бросаются в драку.

Один из работников закусочной замечает это и возмущается, потому что «каждый дурак знает, что нельзя кормить диких животных!». На лице Джуда появляется виноватое выражение. Он всегда тушует, когда его отчитывают.

Продавец отворачивается, и я показываю ему в спину кулак. Как только я опускаю руку, к нему подлетает чайка и срывает с головы бумажную шляпу. Парень вскрикивает от удивления и испуганно пригибается, когда птица уносится прочь.

Я смотрю, как чайка и шляпа исчезают в закате.

Здорово.

Неужели это я, или?..

Я смотрю на свою руку.

Нет. Это просто смешно.

Солнце начинает клониться к горизонту, когда мы добираемся до бухты – в миле к северу от центра города – где каждый год устраивают вечеринку у костра. Неизвестно, как давно существует эта традиция. Сколько классов устраивали пьяные танцы вокруг костра, сколько старшеклассников плескалось в прибое прямо в одежде, сколько парочек целовалось в скалистых нишах, словно специально для этого созданных. Якобы. Я не могу утверждать, поскольку сама этим не занималась.

Мы не первые, кто прибыл на место, но одни из первых. Двое старшеклассников выгружают сумки-холодильники из кузова пикапа. Мальчик, знакомый мне по классу математики, раскладывает хворост для костра. Те, кто пришел раньше всех, уже занимают места на пляже, расстилая одеяла и полотенца, доставая волейбольные мячи и пивные банки из больших пляжных сумок.

Мы устраиваемся неподалеку от костра, разворачиваем одеяло и расставляем низкие шезлонги, которые Ари привезла с собой. Вскоре Джуда окликают наши одноклассники, и он уходит поболтать с ними.

Ари поворачивается ко мне.

– Я знаю ответ, но на всякий случай спрошу. Хочешь зайти в воду?

Я с отвращением морщусь нос.

– Так я и думала. – Она удивляет меня, снимая через голову свой пестрый сарафан, под которым надет бледно-розовый купальник. Выходит, она была в нем весь день, и странно, что я даже не догадывалась об этом.

– Постой, ты собираешься плавать? – спрашиваю я.

– Не *плавать*, – говорит она. – Но это же пляжная вечеринка. Я решила, что надо хотя бы намочить ноги. Ты уверена, что не хочешь присоединиться?

– Нет уж. Спасибо.

– Ладно. Тогда присмотришь за моей гитарой?

Она не ждет ответа, потому что, конечно же, я присмотрю. Ари идет к воде. Она ни с кем не здоровается, но я замечаю, как некоторые бросают на нее любопытные взгляды, гадая, знакома им эта девушка или нет. Джуд говорит, что она без колебаний приняла его приглашение на эту вечеринку, хотя никого здесь не знает. Интересно, надеется ли она расширить круг знакомых, завести новых друзей. Наверное, мне следует представить ее нашим приятелям, когда она вернет-

ся, но...

Я осматриваюсь и хмурюсь. Честно говоря, я тоже мало кого здесь знаю. Пока что вижу, в основном, ребят из выпускного и одиннадцатого классов. И некоторых наших одноклассников вроде Майи и ее свиты, но я с ними не дружу.

Впрочем, Джуд гораздо общительнее. Хотя он вроде как ботаник, смотрит старые сезоны «Звездного пути», и у него целая полка фигурок Funko²¹ – героев «Властелина колец», все относятся к нему с симпатией. Он обладает собственным неповторимым шармом. И с ним легко и спокойно.

И это еще одна причина, почему никто никогда не верит, что мы брат и сестра.

Так что, если Ари захочет с кем-нибудь познакомиться, от Джуда в этом смысле гораздо больше пользы.

Я протягиваю руку и поддвигаю поближе футляр с гитарой.

– Не полезешь в воду, Пруд?

Я поднимаю глаза и вижу ухмыляющегося Джексона Сталта. Обратив на себя внимание, он смеется и демонстративно хлопает себя по лбу:

– Не бери в голову, это был глупый вопрос. Я имею в виду, у тебя ведь аллергия на веселье, не так ли?

– Нет, у меня просто аллергия на идиотов, – отвечаю я и

²¹ Американская компания, производящая виниловые фигурки, плюшевые игрушки и другие товары, посвященные героям фильмов, сериалов, комиксов, мультфильмов, игр и аниме.

невозмутимо добавляю:

– Апчхи.

Он хихикает, машет рукой, завершая наше восхитительное общение, и возвращается к своим столь же несносным друзьям.

Ему удалось меня уколоть, хотя я знаю, что он не стоит моего внимания. В конце концов, я и так все знаю о Джек-соне Сталте. Во-первых, больше всего на свете его заботят дизайнерские джинсы и модные фирменные рубашки. А во-вторых, он готов высмеивать все и вся, даже если обижает этим кого-то. Что он часто и делает.

Я бы еще больше обиделась, если бы нравилась ему.

Но все же.

Все же.

Это неприятно.

Впрочем, если Джексон собирался испортить мне вечер, я ему этого не позволю. Я ложусь на одеяло и смотрю на подсвеченные закатным золотом облака, проплывающие над головой. Стараюсь погрузиться в радость момента. Смех, парящий над пляжем. Ровный шум волн. Вкус соли и запах дыма от разгорающегося костра. Я слишком далеко, чтобы чувствовать его жар, но одеяло и песок подо мной еще хранят тепло солнечного дня.

Я расслаблена.

Я довольна.

Я не стану думать о проектах по биологии.

Я не стану думать о безмозглых хулиганах.

Я даже не буду думать о Квинте Эриксоне.

Я делаю долгий, медленный выдох. Я читала, что регулярная медитация помогает отточить концентрацию и со временем повысить работоспособность и продуктивность. С тех пор я пытаюсь медитировать. Кажется, это так просто. Вдох. Выдох. Все внимание на дыхании.

Но в эту безмятежность вечно вторгаются какие-то мысли. Всегда что-то отвлекает.

Вот и сейчас внезапно раздается испуганный визг.

Я приподнимаюсь на локтях. Джексон тащит Серену Макгинни к воде. Он смеется, маниакально откидывая голову назад, а Серена брыкается, пытаясь вырваться.

Я сажусь и хмурюсь. Все знают, что Серена боится воды. Это стало известно, когда в девятом классе она отказалась посещать обязательные уроки плавания, даже принесла записку от родителей с просьбой освободить ее от занятий в бассейне. У нее не просто легкая водобоязнь, как у меня. А настоящая фобия.

Чем ближе Джексон к кромке воды, тем громче она кричит. Он несет ее на руках, и до сих пор она пыталась вырваться. Но теперь она поворачивается, крепко обхватывает его за шею и пронзительно выкрикивает:

– Не смей, не смей!

Я прищуриваюсь и слышу, как кто-то из его дружков подначивает:

– Макни ее! Макни!

Я сглатываю. Не думаю, что он это сделает – но кто знает?

– Да ладно, здесь глубина по щиколотку! – кричит Джексон. Играет на публику.

Совершенно ясно, что Серена не находит это смешным. Она смертельно бледна, и, хотя я знаю, что сейчас она, должно быть, ненавидит Джексона, ее руки тисками сжимаются на его шее.

– Джексон Сталт, придурок! Отпусти меня!

– Опустить тебя? – спрашивает он. – Ты *уверена*?

Его друзья поддерживают его. Скандируют, подбадривают:

– *Мак-ни. Мак-ни. Мак-ни!*

Я вскакиваю на ноги и, сложив ладони рупором, кричу:

– Оставь ее в покое, Джексон!

Он встречается со мной взглядом, и я понимаю, что совершила ошибку. Теперь для него это вызов. Сможет или не сможет?

Я упираю руки в бока и пытаюсь воздействовать на него силой мысли – если у него есть хоть капля достоинства, он оставит ее в покое.

Он снова смеется – почти жестоко. Затем одним плавным движением отпускает ее ноги, а свободной рукой отцепляет ее от своей шеи. Пока она пытается обхватить его коленями, он бросает ее как можно дальше в волны.

Ее вопль режет уши. Его друзья гнусно хихикают.

Там не слишком глубоко, но, когда она с плеском падает на спину, вода доходит ей почти до шеи. Серена вскакивает на ноги и бросается к берегу. Мокрое платье, все в песке, прилипает к бедрам.

– Ты придурок! – Она толкает Джексона в живот, пробегая мимо.

Он замирает на месте и смахивает рукой песок, который она оставила на его рубашке.

– Эй, теперь это только в химчистку! – В его голосе слышится издевка.

Серена бросается прочь, одергивая мокрую юбку. Когда она пробегает мимо меня, я вижу в ее глазах злые слезы.

Стиснув зубы, я поворачиваюсь к Джексону. Он победоносно скидывает руки вверх. Неподалеку, стоя по колено в воде, Ари наблюдает за ним с явным замешательством.

– Чувак, – говорит Соня Кализо с отвращением и достаточно громко, чтобы слышал почти весь пляж, – она чуть не *утонула*, когда была маленькой.

Джексон усмехается.

– Она не могла здесь утонуть. Господи, тут же глубина по щиколотку.

– Разве ты не видел, как она испугалась? – спрашивает Ари. Я потрясена. Ари, кажется, не из тех, кто может дать отпор, тем более совершенно незнакомому человеку. Но у нее обостренное чувство справедливости, так что, возможно, мне не стоит удивляться.

В любом случае, Джексон игнорирует ее замечание. Выражение его лица по-прежнему злорадное, без малейшего раскаяния.

Я выдыхаю и, когда Джексон делает шаг к берегу, представляю, как он спотыкается и падает мордой в песок. Я мысленно вижу его дорогушие шмотки, пропитанные соленой водой и грязью.

Я сжимаю кулак.

Джексон делает еще один шаг, и я задерживаю дыхание, в ожидании.

Ничего не происходит. Он не спотыкается. И не падает.

Мои плечи поникают. Я чувствую себя глупо из-за того, что надеялась, хотя бы на секунду, что странные совпадения, произошедшие за последние сутки, как-то связаны со мной. Каким образом? Каким-то космическим возмездием, дарованным мне мирозданием?

Ага, размечталась.

И все же на меня волной накатывает разочарование.

Как... как *эта* волна.

Смех дружков Джексона обрывается, когда они тоже замечают ее. Волна, самая высокая из всех, что я когда-либо видела, вырастает за спиной Джексона, поднимая над ним пенистую корону.

При виде ужаса на лицах своих друзей он оборачивается. Слишком поздно. Волна обрушивается на него, сбивая с ног. Но это не все. Вода бьет его о берег, обдавая брызгами пар-

ней, накрывая полотенца и стулья, сметая банки с пивом и унося их за собой.

Вода все прибывает. Направляется прямо ко мне.

У меня отвисает челюсть. Мне даже в голову не приходит сдвинуться с места, я просто смотрю, как волна разбивается. Пена поглощает сама себя. Волна теряет напор и уже не рвется вперед, а медленно подползает.

Кромка воды, покрытая белой пеной, приближается к пальцам моих ног и футляру с гитарой Ари. И на миг замирает, словно в нерешительности, прежде чем отхлынуть и вернуться в море.

Ошеломленная, я провожаю ее взглядом. Подняв голову, я встречаюсь глазами с Ари. Она выглядит такой же озадаченной – может, даже сильнее. Потому что самое странное не то, что вода подошла так близко ко мне и все же не тронула. Куда более странно то, что Ари стояла так близко к Джексону, но волна прошла мимо нее.

На самом деле, несмотря на гигантские размеры волны, она задела только Джексона и его приятелей.

Десять

Моему мозгу требуется время, чтобы осознать, что произошло. Чтобы недоумение медленно рассыпалось и исчезло, а затем перестроилось в нечто почти правдоподобное.

Я разжимаю кулак и сгибаю пальцы, чувствуя каждый сустав. Ладонь горяча. Костяшки пальцев ноют, как после нескольких часов, а не секунд напряжения.

Вокруг меня все заходятся от истерического смеха, глядя на то, как Джексон выкарабкивается из прибоя. Мокрый насквозь. Одежда липнет к нему как вторая кожа, облепленная грязным песком. Нити водорослей свисают с плеча. Спутанные волосы лезут в глаза.

Выражение его лица бесценно.

– Ха! – кричит девичий голос. – Карма – злая сука!

Я хлопаю ресницами и оборачиваюсь. Это Серена. Ее платье все еще мокрое, но слез как не бывало. Она сияет. Щеки полыхают румянцем.

Карма.

Мгновенная карма.

– Ради всего святого, – бормочу я себе под нос, когда что-то начинает обретать смысл. Как бы. Да и есть ли в этом смысл? Может ли это быть правдой?

Я размышляю.

Автомобильная авария.

Пролитый томатный сок.

Мистер Чавес прикусывает язык.

Кафе-мороженое. Туристы на набережной. Грубый продавец закусочной...

А теперь еще и это. Волна, неведь откуда взявшись, обрушивается только на Джексона и его придурковатых друзей. На многолюдном пляже.

Конечно, это не может быть совпадением. Во всяком случае, не все вместе.

Но, если это не совпадение, тогда что?

Слова песни Джона Леннона эхом отдаются в голове. Я тихо бормочу себе под нос:

— Мгновенная карма настигнет тебя, стукнет прямо в темечко...

Рука тянется к затылку, где все еще чувствуется небольшая болезненная шишка от падения. Я перебираю события вчерашнего вечера. Встреча с Квинтом и его подружкой. Те парни, что насмехались над Ари, когда она пела. Наш разговор о карме. Мое имя, объявленное ведущей, хотя никто так и не признался, что включил его в список. Мое пение. Танец. Изумленный взгляд Квинта. Падение в пивную лужу. Удар головой об пол...

Если это не совпадение, значит, так или иначе, по какой-то причине... это все из-за меня. Я порицаю неблагоприятные поступки. И... взываю к карме.

— Прю? Ты в порядке?

Я поднимаю взгляд, и я вижу, что Ари идет ко мне по песку. Она берет полотенце со спинки шезлонга и обматывает его вокруг талии. Она почти не намочила, хотя ее лодыжки облеплены песком.

– Да. – Я чувствую, как внутри все дрожит. – Это было странно, правда?

Она смеется.

– Очень странно. Но так кстати! Он всегда такой?

– Почти. Джексон всегда был задирой. Приятно хоть раз увидеть, как он получает по заслугам. – Я наклоняюсь к ней, понижая голос. – Держу пари, его рубашка стоит не меньше пары сотен долларов. Он будет делать вид, что ему все равно, но, поверь мне, это его убивает.

Ари садится на одеяло и достает газировку из сумки-холодильника. Она открывает банку и, поворачиваясь к воде, приветственно поднимает ее:

– Отличная работа, океан!

Она оглядывается по сторонам.

– Надеюсь, с той девушкой все в порядке.

Я не отвечаю, разглядывая пляжные полотенца, одеяла и шезлонги, заполонившие берег. Мое внимание привлекает Джексон, уголком полотенца вытряхивающий воду из ушей.

– Сейчас вернусь. – Я бреду по песчаному пляжу в сторону скалистого утеса, где надеюсь побыть в одиночестве. Еще слишком рано для печально известных поцелуев, и я без труда нахожу пустующую нишу среди высоких скал. Я присло-

няюсь к валуну и прижимаю руку к груди, чувствуя, как колотится сердце.

– Я просто принимаю желаемое за действительное, – шепчу я. – Это иллюзия. Всему виной стресс последних дней учебного года; фантазии о возмездии, когда виновные того заслуживают... И, возможно, легкое сотрясение мозга.

В ответ на мои рациональные объяснения мозг выдает множество контраргументов.

Песня.

Автомобильная авария.

Волна.

Но, как только я позволяю себе думать о том, что, возможно, это *моих* рук дело, рождается самокритика. Неужели я всерьез полагаю, что после выступления в караоке во мне проснулось... что? Магические силы? Космический дар? Нелепая способность вершить вселенское правосудие?

– Совпадения, – повторяю я, расхаживая взад-вперед. Песок попадает в сандалии, и я сбрасываю их, продолжая бродить между скал. – Вот и все. Просто несколько странных совпадений.

Но...

Я замираю.

Слишком *много* совпадений – и это что-то да значит.

Обеими руками я откидываю волосы с лица. Я должна все проверить и убедиться. Мне нужны доказательства.

Надо выяснить, смогу ли я сделать это снова, на этот раз

намеренно.

Покусывая нижнюю губу, я выглядываю в щель между скалами, осматривая переполненный пляж. Я не совсем понимаю, что хочу найти. Вдохновение, наверное. Кто-нибудь из присутствующих наверняка заслуживает наказания за *что-либо*.

Взгляд останавливается не на ком ином, как на Квинте. Он помогает ребятам устанавливать волейбольную сетку.

Ха! Идеально. Если кто и заслуживает кармического возмездия за свое поведение в этом году, так это определенно Квинт Эриксон.

Я вспоминаю, как часто он опаздывал. Отлынивал от работы. Бросил меня на произвол судьбы в день презентации.

И категорически отказывается помочь мне переделать наш проект.

Я крепко сжимаю кулак.

Жду.

– Привет, Квинт! – К нему подходит девочка из нашего класса. Я оживляюсь. Что она собирается сделать? Дать ему пощечину за какую-то таинственную мелодраму, о которой я не знаю?

– Как дела? – Квинт улыбается в ответ.

– Хорошо. Я принесла домашнее печенье. Хочешь? – Она протягивает ему жестяную коробку.

– Да, черт возьми, еще как хочу. – Он берет печенье. – Спасибо.

– На здоровье. – Она лучезарно улыбается ему и уходит. Я ошеломлена.

Может, печенье отравлено? Но я сильно в этом сомневаюсь.

Квинт жует печенье и заканчивает натягивать сетку.

Я наблюдаю еще с минуту, совершенно сбита с толку. Вскоре становится ясно, что ничего страшного с Квинтом не происходит. Более того, как только начинается игра, он зарабатывает первое очко для своей команды, получая шквал одобрительных криков и восторженных аплодисментов.

Надув губы, я наконец разжимаю кулак.

– Вот так-то, – бормочу я. Разочарование велико, но я не уверена, в чем больше разочарована – в мироздании или в себе, почти поверившей в нечто настолько абсурдное.

Я расправляю плечи. Довольно глупостей. Остаток вечера я собираюсь провести за книгой, которую взяла с собой. Буду есть сморы и слушать, как Ари пытается собрать воедино последовательность аккордов своей новой песни. Короче, буду расслабляться.

Я беру сандалии и начинаю обуваться.

– Я тебя умоляю. Он такой зануда. Ты ведь знаешь, что он играет в «Подземелья и драконы»?

Я замираю. Мне не нужно выглядывать, чтобы понять, чей это голос. Джанин Юинг. Я не вижу ни ее, ни того, с кем она разговаривает, но могу сказать, кого они обсуждают. Джу-да или его друзей – Мэтта и Сесара, тоже из десятого клас-

са, – или девятиклассника Рассела, присоединившегося к их группе несколько месяцев назад.

– Серьезно? – произносит другой девичий голос. Кэти?

– В эту дурацкую ролевую игру из восьмидесятых? Как те малыши в «Очень странных делах»²²?

– Вот-вот, – говорит Джанин. – Как тебе это нравится? Неужели больше нечем заняться?

Я выглядываю в расщелину между скалами и вижу Джанин и Кэти всего в нескольких шагах от утеса. В бикини и солнцезащитных очках, они лежат на ярких пляжных полотенцах. Ох... и Майя с ними. Они выглядят как на рекламной картинке солнцезащитного крема, причем смотрятся неплохо. Майя так и вовсе похожа на голливудскую старлетку. Она из тех девушек, которые словно сошли с рекламного плаката косметики. Глаз не оторвать от ее загорелой кожи, согретой закатным солнцем, густых черных волос в естественных кудрях, обрамляющих лицо, и россыпи веснушек, таких очаровательных, что могли бы вдохновить на сочинение сонетов.

Неудивительно, что Джуд – не единственный парень в школе, влюбленный в нее без памяти.

– А разве «Демоны и драконы» – не игра в поклонение дьяволу? – спрашивает Кэти.

²² «Очень странные дела» (Stranger Things) – американский научно-фантастический сериал, ностальгический приключенческий триллер для подростков, стилизованный под эпоху 1980-х гг.

Я закатываю глаза, и, к чести Майи, она опускает очки на кончик носа и бросает на Кэти взгляд, в котором читается, что она согласна со мной в том, насколько неуместна эта реплика.

– «Подземелья и драконы», – поправляет она. – И я почти уверена, этот слух запущен теми, кто считает Гарри Поттера злом.

Должна признать, что, хотя я частенько недоумеваю по поводу безумной преданности Джуда этой девушке, у Майи бывают просветления.

Она возвращает очки на место.

– Как бы то ни было. Отстань. Мне *нравится* Джуд.

Я широко распахиваю глаза. Пауза. Перемотка назад. Ей *нравится* Джуд?

Неужели она хочет сказать, что он ей действительно нравится?

У меня кружится голова. Я напрягаю слух, пытаюсь уловить каждое слово. Если бы я смогла вернуться к Джуду с эмпирическими доказательствами того, что его чувства все-таки не безответны, меня бы номинировали на звание «Лучшей сестры года».

– Конечно, он тебе нравится, – говорит Джанин. – А кому он не нравится? Он такой милый.

– Очень милый, – решительно соглашается Кэти. Так решительно, что это звучит почти как оскорбление.

– Но при этом он... – Джанин замолкает. Она довольно

долго подыскивает нужные слова. – Ну, типа, *так* в тебя влюблен. Даже немного жутковато.

У меня вырывается усмешка. Нашла тоже жутковатого! Джуд вовсе не такой.

Я снова скрываюсь за скалой, пока они не оглянулись и не увидели меня, но их разговор не прерывается.

– Да, порой он слишком пристально смотрит на меня, – соглашается Майя. – Раньше мне это льстило, но теперь... не знаю. Не хочу быть злокой, но как ты думаешь, он поймет намек на то, что я не заинтересована?

Я морщусь.

Вот тебе и план.

– Это действительно похоже на одержимость, – добавляет Кэти. – Но в приятном смысле?

Я снова выглядываю в расщелину, хмурясь. Джуд не одержимый!

По крайней мере, не *настолько* одержимый.

Он просто влюблен в нее. Это не преступление! Она должна быть на седьмом небе от счастья, что привлекла внимание такого доброго и замечательного человека, как Джуд!

– Говорю же, мне нравится Джуд, – повторяет Майя. – Но я чувствую себя немного виноватой, зная о том, что он неровно ко мне дышит, когда... ну, это просто никогда не случится.

– Тебе не в чем себя винить! – заявляет Джанин. – Ты ничего плохого не сделала.

– Да, я знаю. Наверное, не моя вина, что он меня не интересуется.

Кэти внезапно шикает на нее, но с какой-то жестокой усмешкой.

– Тише, Майя. Господи, вон он. Еще услышит.

– Ой! – спохватывается Майя, прижимая ладонь ко рту. – Я не знала.

Но Джанин подталкивает ее локтем.

– Да ладно. Может, он поймет намек.

Я оглядываюсь и замечаю проходящего мимо Джуда. Я едва успеваю рассмотреть выражение его лица, а он уже поворачивается, чтобы вернуться к нашему месту на пляже. Трудно сказать, слышал он их разговор или нет. А тень, пробежавшая по его лицу – от смущения она или от боли... Или просто отброшена заходящим солнцем.

На самом деле, это не имеет значения. Просто подло с их стороны – говорить такие вещи. Весь этот разговор пропитан жестокостью. Пустой и ненужный, предназначенный лишь для того, чтобы посмеяться над Джудом и потешить раздутое эго Майи Ливингстон.

И надо же ей было выбрать для своих насмешек не кого-нибудь, а *Джуда*. Терпеливого, вдумчивого, всеми любимого Джуда. У которого и врагов-то нет. Который может вступить в любой разговор, сесть за любой столик в школьной столовой, прийти на любую вечеринку.

И да, может, он и играет по выходным в «Подземелья и

драконы», читает книги с драконами на обложках. И да, он по-детски волновался, собираясь прошлым летом на первую в своей жизни средневековую ярмарку. Он даже надел тунику и, на мой взгляд, выглядел в ней прямо-таки по-рыцарски. Но мне страшно подумать, что сказали бы Майя или ее подруги, если бы увидели те фотографии.

Я впиваюсь убийственным взглядом в макушку Майи. Как она посмела так обидеть его?

Мой кулак сжимается.

Теперь я это чувствую. Едва уловимый толчок внизу живота. Как при кувырке под водой, но чуть более мягкий.

Но все равно ничего не происходит.

Я жду. И жду.

Солнце садится, окрашивая небо в сиренево-розовые тона. Мигают и мерцают первые звезды. Скалы освещены оранжевыми отблесками костра.

Майя садится и тянется за длинным свитером, лежащим рядом с полотенцем. Я смотрю, как она продевает руки в рукава. Мне горько и даже немного досадно. Я злюсь на нее. На себя. На мироздание.

Я вздыхаю и покидаю безопасное убежище. Хватит глупостей. Я не получила никакой магической силы для восстановления вселенской справедливости. Для наказания нечестивых и недостойных.

Пора двигаться дальше.

Джуд и Ари сидят на одеялах. Ари играет на гитаре, и

несколько человек даже остановились, чтобы послушать, а некоторые сидят рядом на песке. Но Джуд, в угрюмой позе, смотрит на океан. Мне не нужно видеть его лицо, я и так знаю, о чем он думает. Должно быть, он все-таки услышал слова Майи.

Это снова выводит меня из себя.

Я уже подхожу к ним, когда слышу вздох ужаса и изумления.

– Нет! Нет, нет, нет. Ты же не всерьез.

Я медленно оборачиваюсь. Майя, на четвереньках, отчаянно роется в песке.

– Что случилось? – спрашивает Кэти, отступая назад, когда Майя поднимает край полотенца. – В чем дело?

– Моя сережка, – говорит Майя. – Я потеряла сережку! Перестань пялиться и помоги мне искать!

Ее подруги все еще выглядят немного озадаченными, но не возражают. И вот уже все трое копаются в песке. Время от времени Майя отвлекается, ощупывая ухо, похлопывая по свитеру и поправляя волосы. Вскоре становится понятно, что поиски напрасны.

На моих губах появляется улыбка, и мне кажется, я что-то понимаю.

Мгновенная карма.

Возможно, она и должна быть мгновенной. Как немедленное возмездие за проступок. С Квинтом ничего не случилось, потому что наша ссора произошла несколько часов на-

зад.

Но Майя совершила подлость *только что*.

Она прекращает поиски, и ее лицо искажено страданием, граничащим со слезами, но я не чувствую ни малейшего сожаления. Ее сережка, наверняка, изысканная и дорогая. Я вижу ее пару, свисающую с другого уха. Это каплевидная серьга с крупным камнем, похожим на бриллиант. Возможно, серьги принадлежат ее маме, и та ужасно разозлится, узнав, что одна сережка потерялась. А может, это какая-то памятная вещь в честь одного из многочисленных достижений Майи – скажем, звания «Лучший ученик недели» или донора «Я сдал кровь!» или чего-то в этом роде. Но для меня это не имеет значения. Она обидела моего брата и заслуживает наказания.

Повернувшись, я возвращаюсь к своим друзьям. Моя походка становится легкой и пружинистой. Пальцы рук покалывает, как будто неведомая космическая сила бурлит в моих венах.

Я настолько поглощена собой, что почти не замечаю, что волейбольный мяч летит мне навстречу. Инстинкт берет верх, и я, вскрикнув, пригибаюсь.

Какая-то фигура появляется в поле зрения, отбивает мяч, отправляя его обратно к сетке.

Я поднимаю взгляд, хлопая ресницами, все еще прикрывая голову руками.

Губы Квинта сжаты, в глазах пляшут искорки. По всему

видно, что он из всех сил старается не смеяться надо мной.

– А ты думала, это акула?

Я роняю руки. Пытаюсь сохранить лицо лучшим из известных мне способов – явным презрением.

– Просто задумалась. – Я бросаю на него сердитый взгляд. – Твой мяч застал меня врасплох.

Он коротко усмехается.

– Нам нужен еще один игрок. Но вряд ли тебя это интересует.

Меня разбирает смех. Если и есть вид спорта, к которому у меня есть склонность, то мне еще только предстоит выяснить, какой именно. Определенно ничего из того, чем нас заставляют заниматься на уроках физкультуры.

– Нисколько не интересует. Но спасибо... за это.

– За то, что спас тебя? – произносит он достаточно громко, чтобы все услышали. Ему явно весело. – Не могла бы ты повторить, но на этот раз громче? – Он наклоняется ко мне, прижимая ладонь к уху.

Я стараюсь смотреть еще презрительнее.

– Ну, давай, – подзадоривает он. – Мне кажется, именно эти слова ты ищешь: *«Спасибо, что спас мне жизнь, Квинт. Ты – лучший!»*

Я фыркаю. Тут меня осеняет идея, и я, усмехаясь, шагаю к нему. Наверное, его немного пугает выражение моего лица, потому что он отшатывается. Веселье в его глазах сменяется недоверием.

– Я скажу спасибо после того, как ты согласишься переделать со мной проект по биологии.

Он стонет.

Позади него девчонка из одиннадцатого класса кричит:

– Квинт, давай! Ты ведь еще играешь, да?

– Да, да. – Он раздраженно отмахивается. Я бросаю взгляд на девушку. Она смотрит на меня, обиженно надув губы.

Не волнуйся. Я мысленно успокаиваю ее. Он весь твой.

Квинт пятится назад, к сетке. И тычет в меня пальцем.

– Ответ по-прежнему отрицательный, – говорит он. – Но я ценю твою настойчивость. – Он поворачивается и трусцой возвращается на волейбольную площадку.

Я резко выдыхаю. Попытаться стоило.

– Эй, Пруденс, – раздается голос.

Я не сразу понимаю, что это Эзра Кент. Он стоит по другую сторону волейбольной сетки, ожидая продолжения игры. Встретив мой взгляд, он кивает мне за спину.

– А кто эта красотка с гитарой?

Я недоуменно моргаю и оглядываюсь, на мгновение забывая, что делаю и куда шла. И тут я вижу Ари – она сидит по-турецки на нашем одеяле, с гитарой на коленях, но не играет. Болтает с ребятами из нашей школы – среди них одна девчонка из джазового оркестра и пара выпускников, с которыми я никогда не общалась. Джуд тоже там, но держится немного в стороне, все еще дуется. Его босые ноги зарыты в песок.

Я оборачиваюсь и угрожающе смотрю на Эзру.

– Кое-кто, но не из твоей лиги.

Он с преувеличенным энтузиазмом потирает руки.

– Мне нравятся сложные задачи.

Я приторно улыбаюсь.

– А ей нравится порядочность, так что не трать время.

Он хмыкает.

– О, черт. Я буду все лето по тебе скучать.

– Ну, здесь мы различаемся, – бормочу я, закатывая глаза.

Я уже собираюсь уйти, но меня осеняет идея.

Я отбрасываю сомнения, оборачиваясь как раз в тот момент, когда Квинт собирается подавать.

– Эй, Квинт!

Он замирает и смотрит на меня. Я подхожу ближе, чтобы не кричать на весь пляж, и его огромная бровь взлетает вверх, словно одно мое присутствие вызывает подозрения.

– Знаешь, Джуд неплохо играет в волейбол. Если вам еще нужен игрок.

Может, я и привираю. А может, и нет. Мы в разных группах по физкультуре с шестого класса, так что, честно говоря, я понятия не имею, насколько Джуд хорош в волейболе.

Квинт смотрит мимо меня, ища глазами моего брата.

– Да, круто. Эй, Джуд! Будешь играть?

Я ухожу, стараясь выглядеть непринужденно, чтобы Джуд не догадался об инициаторе приглашения. И моя уловка срывается. Через пару секунд Джуд уже бежит к площадке. Он

кивает мне, возможно, осознавая, что мы впервые видимся с тех пор, как приехали сюда.

– Все в порядке, сестренка? – спрашивает он, пробегая мимо. Мне ли не знать, что кроется в этом вопросе. Его истинный смысл. Я вообще не хотела идти на эту вечеринку. Джуд буквально потащил нас с Ари за собой.

Но я думаю о волне, которая обрушилась на Джексона, и о панике Майи, когда она искала свою пропавшую сережку, и о ребятах, что остановились послушать гитару Ари, и вдруг ловлю себя на том, что улыбаюсь. Искренне. На моих губах играет нелепая, восторженная, абсолютно беззаботная улыбка.

– Честно? Я отлично провожу время. – Я киваю в сторону волейбольной площадки. – Будешь играть?

– Ага, попробую. Постараюсь не облажаться.

– У тебя все получится. – Я ободряюще хлопаю его по плечу, и мы расходимся.

Песок облачками взмывается из-под ног, я спешу к Ари, окрыленная сознанием того, что вся сила мироздания – на кончиках моих пальцев.

Одиннадцать

На следующее утро я просыпаюсь рано, и запах древесного дыма, пропитавший волосы, убеждает меня в том, что черинка у костра была наяву. Что мне это не приснилось. Голос разума по-прежнему настаивает на том, что вся эта кармическая справедливость – не более чем принятие желаемого за действительное, но я упорно стараюсь его заткнуть.

Я лежу в постели и перебираю в памяти эпизоды, когда меня бесила несправедливость жизни. Когда нерадивым ученикам удавалось заслужить похвалу учителей. Когда задиры и хулиганы выходили сухими из воды. Когда придурки поднимались на вершину социальной лестницы.

Нет уж, хватит. Такого больше не случится. По крайней мере, в Фортуна-Бич.

Теперь в городе новый судья.

У меня кружится голова, но я встаю с кровати и занимаюсь обычной рутинной: заправляю постель, чищу зубы, одеваюсь. День сулит столько возможностей! Да что там день – *моя жизнь* полна возможностей.

Я смотрю на часы: без пяти семь утра. Первый полноценный день летних каникул. Я одета и во всеоружии – помада и все такое, – но остальные члены семьи еще спят. Наверное, мне следовало бы чувствовать себя измотанной, поскольку мы с Джудом вернулись домой только после полуночи, но нет

— сна ни в одном глазу.

Я присаживаюсь на край кровати и барабаню пальцами по коленкам. Мне нравится это время суток, когда в доме бодрствую только я. Безмятежность и одиночество ощущаются как редкий дар, который нужно ценить. Когда это возможно в течение учебного года, я стараюсь встать пораньше, чтобы успеть кое-что сделать, пока не пристают родители или сестры, но сейчас я словно в подвешенном состоянии.

Никаких домашних заданий. Никаких проектов. Делать совершенно нечего.

Я оглядываю книжную полку, раздумывая, не почитать ли что-нибудь, но знаю, что не смогу сосредоточиться.

Взгляд падает на стопку папок и тетрадей, которые я вытащила из рюкзака ночью. Все они аккуратно сложены на углу письменного стола.

Папка Квинта лежит на самом верху, и несчастный тюлень смотрит на меня с обложки.

Я беру папку в руки. Ненавистный стикер с оценками приветствует меня, и я морщусь. Мне не хочется открывать папку. Я бы с удовольствием порвала этот отчет на мелкие кусочки и выбросила в окно, но мусорить не позволяет совесть. Я сталкиваюсь с чем-то почти похожим на страх, когда забираюсь с папкой на кровать и устраиваюсь на подушках.

Но страх перед чем? Что я могла ошибаться все это время? Что Квинт, как бы дико это ни звучало, действительно сделал хорошую работу? Что идеи на этих страницах изло-

жены грамотно, подкреплены тщательными исследованиями и, кроме того, гениальны? Что, возможно, я оказалась слабым звеном в нашей команде?

Я снова перечитываю слова мистера Чавеса, но на этот раз сосредоточиваюсь на его критике в адрес Квинта. *Неряшливое исполнение. Сумбурный текст.* Вот оно что. Я понимаю, что передо мной отнюдь не литературный шедевр. Я знаю, что есть недостатки.

И все же его оценка выше моей, выше нашей *общей*.

Собравшись с духом, я открываю папку.

Просматривая отчет Квинта, я удивлена, даже слегка впечатлена. Как известно, первое впечатление очень важно, но первое впечатление от его работы превосходит все мои ожидания. Вместо типичной для курсовых разметки с двойным межстрочным интервалом и шрифтом Times New Roman, Квинт представляет отчет как статью в журнале – в две колонки, со вставками изображений дикой природы и морской среды обитания. Каждый раздел выделен жирным акваринным заголовком, а подписи под фотографиями аккуратные и стилизованные. Он даже включил бледно-бежевый нижний колонтитул на каждой странице: *Сохранение природы Фортуна-Бич через экотуризм / Пруденс Барнетт и Квинт Эриксон.*

Общий вид приятный. Элегантный. Даже профессиональный. Это застает меня врасплох, и я чувствую укол сожаления. Выходит, он способен на такую качественную работу, а

я и не догадывалась?

Эффект усиливают иллюстрации. На каждой странице помещена как минимум одна фотография, и они настолько же захватывающие, насколько и ужасающие. Морские птицы, облитые нефтью. Тюлени с глубокими порезами по бокам. Морские львы с десятками рыболовных крючков, застрявших в шкуре. Я никогда не придавала большого значения утверждению, что картинка стоит тысячи слов, но должна признать, что эти иллюстрации бьют наотмашь. Внутри все сжимается, и я возвращаюсь к первой странице.

Я начинаю читать текст, и... мое воодушевление спадает.

Опечатки. Орфографические ошибки. Заезженные фразы. Сумбурные, почти бессвязные суждения.

Позор. Как этот парень сдал экзамен по английскому за девятый класс?

Впрочем, те разделы, которые я читаю, не морщась и не жалея о том, что под рукой нет красного карандаша, проникнуты страстью и на удивление полны фактов и статистики. Квинт убедительно описывает пагубное влияние вмешательства человека в местные экосистемы. Он подробно рассказывает о снижении популяций ряда морских видов, страдающих от вредных отходов, загрязнения окружающей среды и чрезмерного лова. Квинт рассматривает проблему гораздо шире, чем я. Но, в конце концов, доклад посвящен экотуризму, а не ухудшению состояния экологии. Правда, надо отдать ему должное, в его отчете много науки. Я даже открываю для

себя новые факты, что вызывает желание заглянуть в первоисточники и уточнить, насколько они достоверны. Скажем, статистические данные, свидетельствующие о том, что экотуризм, если пустить его на самотек, может принести больше вреда, чем пользы для тех самых сред, которые защитники природы надеются сохранить.

Моя оценка Квинта и его работы снова растет, когда я *наконец* добираюсь до заключительного раздела, где излагаются наши предложения по созданию мощной индустрии экотуризма в Фортуна-Бич. Я ожидаю, что следующие несколько страниц будут мне знакомы. Ведь именно это мы обсуждали в те редкие моменты, когда мистер Чавес давал нам время в классе для совместной работы над проектом. Я настраиваюсь на чтение текстовой версии моего тщательно продуманного плана. Курорт. Морские приключения. Пляжные вечеринки. Все, чем будет привлекать туристов Фортуна-Бич, куда они будут стремиться ради веселья, исследований и щедрой филантропии.

Вот только... ничего этого нет. Ни слова о курорте. Как и о моих блестящих идеях: о турах на лодках и подводном плавании. И где спа-центр с процедурами на основе натуральных органических продуктов?

Вместо этого, по словам Квинта, туристы будут приезжать в Фортуна-Бич, чтобы... работать волонтерами в Центре спасения животных.

С громким стоном я откидываюсь на изголовье кровати.

Боль в затылке напоминает о недавнем падении.

Он что, серьезно? Во всех наших разговорах Квинт настаивал на том, что нужно сосредоточиться на Центре спасения морских животных Фортуна-Бич. Он говорил, что те, кто действительно хочет помочь океану, с удовольствием придут в наш центр. Чтобы помогать ухаживать за животными, осваивать программы реабилитации, открывать для себя полезные привычки, меняющие стиль жизни.

Всякий раз, когда он поднимал эту тему, я закатывала глаза, точно так же, как делаю это сейчас. Зачем нашей общине вкладывать деньги в строительство реабилитационного центра для животных, когда можно создать *спа-курорт*? Мы хотим привлечь миллионеров, а не хиппи!

Я киплю от злости, просматривая заключительные абзацы и открывая последнюю страницу. По крайней мере, он потрудился включить библиографию, хотя я замечаю, что отсутствуют источники фотографий, что, на мой взгляд, недопустимо.

Мое внимание привлекает один из пунктов библиографии, и я замираю. В отличие от других источников – в основном, вебсайтов, разбавленных парой журналов и книг для солидности, – это интервью по теме.

Роза Эриксон, основатель и хозяйка Центра спасения морских животных Фортуна-Бич. Интервью провел Квинт Эриксон.

– Держите меня, – бормочу я, выпрямляясь. – Выходит,

спасательный центр – это реальное место?

Я хватаю телефон, отсоединяя его от зарядного устройства на тумбочке, и ввожу быстрый поиск. И вот он – не официальный сайт, а название в бизнес-каталоге с адресом в паре миль к северу от центра города. Я копаю чуть глубже – и всплывает имя владельца. Роза Эриксон.

– Ну и придурок! – Отбрасывая телефон в сторону, я вскакиваю с кровати и начинаю расхаживать по комнате. Не знаю, кем приходится Квинту эта Роза – мамой, тетей, бабушкой или кем-то еще, но они, скорее всего, родственники. Как он мог не сказать мне о том, что спасательный центр, на котором он так настаивал, является реально существующим местом? И что у него к нему личное отношение? Если бы я знала это, то полностью переработала бы свой план проекта. Мы могли бы сосредоточиться на развитии центров спасения животных, сделать их «фишкой» нашего курорта, провести какую-нибудь практическую демонстрацию работы Центра. Могли бы пригласить ту же Розу прийти и побеседовать с классом или, может, даже получить разрешение на потрясающую экскурсию для наших одноклассников.

Мы могли бы сделать блистательную презентацию!

Как мог Квинт держать это в секрете? И, что еще важнее, *почему*? Почему он мне ничего не сказал?

Я останавливаюсь, впиваясь ледяным взглядом в папку с отчетом. Я захлопнула ее, когда вскакивала с кровати, и перед глазами снова маячит злосчастный стикер с оценками.

Буква «С» словно насмехается надо мной.

По крайней мере, теперь я лучше понимаю комментарий мистера Чавеса. Между моим макетом улицы и докладом Квинта нет почти ничего, что указывало бы на командную работу. Но это не *моя* вина, и я не могу допустить, чтобы рухнул мой средний балл только потому, что Квинт не соизволил поделиться со мной чрезвычайно важной информацией.

Я снова беру телефон и уточняю адрес Центра спасения животных.

Мне плевать на мистера Чавеса и его правила. Я собираюсь переделать этот проект и представить настолько блестящую работу, что у него не будет другого выбора, кроме как наградить меня оценкой, которую я действительно заслуживаю.

Двенадцать

В кухне я застаю папу. Он сидит в одиночестве за столом с чашкой кофе и свежим номером журнала «Роллинг Стоун».

Папа поднимает на меня глаза и переводит взгляд на часы на плите.

– Еще и восьми нет! Разве ты не на каникулах?

– Папа, ты когда-нибудь видел, чтобы я вставала позже восьми, даже на каникулах или в выходные?

Я закидываю ломтик хлеба в тостер. На рабочем столе лежит гроздь бананов, но сегодня мне не хочется возиться с блендером.

– Знаешь, у меня есть дела.

– Серьезно? – слегка усмехается папа. – Надеюсь, их не слишком много. У нас с мамой появились кое-какие идеи насчет того, чем занять вас этим летом.

Тотчас настораживаясь, я хмуро поглядываю на него.

– Например?

– Ну... – Он вставляет вместо закладки подписную открытку и закрывает журнал. – Мы хотели подождать и обсудить это с вами за ужином, но, раз уж ты спросила. Мы думаем, что вам с Джудом пора начать помогать в магазине.

Я пристально смотрю на него.

Помогать в магазине?

В музыкальном магазине?

Я живо представляю себе ближайшие три месяца: толпы невежественных туристов, для которых олдскульный магазин виниловых пластинок – это *вау, какая экзотика*. Несносные *aficionado*²³, разглагольствующие о том, что у *цифровой музыки нет души, дружиссе*. Желающие продать коллекцию деда – недоумевающие, почему мы платим всего пятьдесят центов за убитый экземпляр «Отеля Калифорния».

Я смотрю на отца и понимаю, что рассмеяться в голос – неверная тактика, поэтому просто восклицаю:

– Ха!

Это все, что приходит в голову. *Ха*.

Отец чувствует полное отсутствие интереса с моей стороны, и его бодрый и веселый тон сменяется упреком.

– Ты же знаешь, это семейный бизнес. И вы – часть семьи.

– Да нет, я знаю, – быстро отвечаю я. – Просто...

Я замолкаю, подыскивая оправдание. Любое, кроме того, что *у меня нет никакого желания все лето торчать за прилавком вашего убогого, пропахшего нафталином магазина, и говорить завсегдатаям, что нет, извините, мы не получали ничего нового из «хэйр-метал»²⁴ с прошлой недели*.

– Просто... я... подумываю о волонтерстве, – слышу я

²³ Фанат, любитель (*исп.*).

²⁴ Поджанр глэм-метал (или «металл волосатых»), отличается экстравагантной, вызывающей внешностью исполнителей и более миролюбивыми текстами песен – о любви и сексе. Термин введен MTV за любовь глэм-музыкантов к пышным ухоженным гривам.

свой голос.

Постой-ка. Что?

Папа приподнимает бровь и сардонически усмехается:
– Волонтерство? И где же? На променаде?

Во мне вспыхивает негодование. Что *такого* удивительного в моем желании посвятить себя достойному делу? Еще в средних классах я занималась репетиторством с парой детсадовцев и первоклашек, после уроков, два раза в неделю. Пусть это сводилось к тому, что я просто читала им книжки с картинками, но все же. Я верю в добрые дела и благотворительность. Возможно, в последнее время мне было не до этого, но сама идея филантропии не должна вызывать подозрений.

– Нет, не на променаде, – укоряю я его за насмешку. – Это место называется... э-э... Центром спасения животных Фортуна-Бич. Там принимают и лечат несчастных и раненых животных. Морских львов и прочих. Возвращают их к полноценной жизни.

По крайней мере, я так думаю. Я лишь бегло просмотрела большую часть доклада Квинта и пока имею лишь смутное представление о целях и задачах этого Центра.

– О! – восклицает папа.

Мне знакомо это «о». В нем столько всего намешано. О, я и не знал, что ты любишь животных. О, ты так давно не заговаривала о волонтерстве. О, я думал, ты планируешь провести все летние каникулы с Ари, поедая мороженое и счи-

тая дни до того момента, когда можно начинать заикливаться на поступлении в колледж. (Очевидно, не раньше начала одиннадцатого класса, хотя у меня уже готов контрольный список колледжей.)

Но папа ничего из этого не говорит. Звучит совсем другое.

– Никогда о нем не слышал.

– Я тоже. Мне о нем друг рассказал. – Я заметно вздрагиваю при мысли о том, что Квинт – мой *друг*, но возвращаюсь к своему хлебу, который только что выскочил из тостера, и сосредоточенно намазываю его арахисовым маслом.

– Это для школы?

Я медлю.

– Вроде того. И еще, просто... ну, понимаешь, я подумала, что было бы неплохо сделать что-то для общества и наших местных... морских... обитателей.

Я бросаю нож в раковину.

– Хотела сегодня съездить туда, узнать, нужна ли им моя помощь. – Я робко улыбаюсь. – Как ты на это смотришь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.